

Баронет

Автор:

Сергей Плотников

Баронет

Сергей Александрович Плотников

Как по заказу #2

Если уж и попадать в фэнтези, то уж точно не безвестным бродягой без роду-племени или вынужденным от зари до зари работать в поле крестьянином, верно? Нет уж, в новый мир – только благородным. И как минимум – бароном! Что-что? Не хочешь вникать в проблемы и разбирать тяжбы крестьян, отбиваться от наглых соседей, собирать налоги для герцога и короля и фальшиво улыбаться новоявленным родственникам? А тебя никто и не спрашивает. Сам ведь захотел в попаданцы – теперь изволь соответствовать!

Сергей Плотников

Баронет

© Плотников Сергей

© ИДДК

* * *

Пролог

Остроумно. А я всё гадал: как должна выглядеть граница Великой Свободной Республики Лид? Одно дело запретить для неграждан посещение своей территории, кроме нескольких небольших международных анклавов вроде города Нессария, и совсем другое – добиться исполнения этого запрета. Современные развитые земные государства далеко не всегда с этим удовлетворительно справляются, что уж говорить о местных. Даже учитывая повсеместное использование рабского труда, постройка столь протяжённой каменной стены или затянулась бы на пару столетий, или потребовала мобилизации абсолютно всех граждан вместе с их разумной собственностью лет эдак на пятнадцать без выходных и отпусков. Собственно, доказано китайцами: они свою Великую Стену длиной почти в двадцать тысяч километров строили без малого девятнадцать столетий! Разумеется, как я и думал, теневые правители Лида ввязываться в столь масштабный мегапроект, который и после окончания строительства повиснет на экономике государства тяжёлым грузом, нужным не посчитали. Да и зачем, когда есть уже проверенные, “бесплатные” для повелителей Жизни методы. Магия и химеры.

Редкие столбы, на вершинах которых едва угадываются светящиеся только для магов точки контрольных амулетов – с такого расстояния не разобрать, каких именно, но из логики следует, что сигнальные. А внизу – широкая полоса жухловатого по зимней поре газона и изредка попадающиеся на ней меланхоличные чёрные чешуйчатые “коровы”. И всё, граница на замке. Конечно, должны быть ещё и какие-нибудь заставы: в конце концов, амулеты надо заряжать и подновлять, и вообще, контроль нужен на всякий случай. Но именно что на “всякий”. В том, что чешуйчатые рукотворные монстры способны выследить (в том числе и по запаху), найти, догнать, убить и сожрать трупы нарушителей (последнее – чтобы пограничники не перенапряглись с уборкой) лично у меня даже тени сомнения не возникло: видел этих “травоядных” милашек в деле. От такой охраны границы и армии вторжения серьёзно не поздоровится – не то что отдельным нарушителям, желудочный сок им пухом.

Я, насмотревшись на такую границу, уже наполовину ожидал, что отличная республиканская дорога просто в каком-то месте пересекает газонную полосу и продолжается дальше разбитой грязной грунтовкой королевского тракта. Ну а что, граждане и их рабы, все поголовно несущие магические Печати магии Жизни, и так пройдут, а остальным всё равно не положено. Но нет. Контрольно-пропускной пункт всё-таки был. Построенный в полном соответствии с местными реалиями, разумеется: квадрат стен с воротами. В распахнутые створки которых

и ныряла дорога – и наверняка выходила через другие такие же с противоположной стороны.

Ну что ж. За шесть с половиной месяцев мне вполне удалось освоиться в республике, более-менее встроиться в местную жизнь и уже испытать на себе все её прелести. Как то: стать рабовладельцем, едва не сдохнуть под копытами кабана-мутанта, стать профессиональным охотником на монстров, едва не отдать концы в клыках нарийского тигра, найти быстрый и, главное, дешёвый способ стать полноценным магом Жизни, едва не умереть, растворившись в суперкислоте неведомо как забравшейся далеко на юг гидры... Ну, вы поняли. Самое время посмотреть, как тут живут “за ленточкой”. Правда, учитывая тенденцию, можно спрогнозировать возможные попытки проткнуть меня копьём, мечом или застрелить из арбалета – нравы в странах-соседях Лида иногда жуть как просты. Но я на этот случай подстраховался, о да.

* * *

Наверное, вам уже стало ясно: я тот самый типичный герой-попаданец, про которых на Земле написаны, нарисованы и напечатаны тонны макулатуры. Маг могучей Стихии Жизни, отважный истребитель монстров, самый настоящий дворянин, да не какой-нибудь, а почти барон с собственным гербом. А ещё герой любовного фронта аж с тремя красавицами-рабынями в “гареме”! Что, завидно? Тоже так хотите? Вот и я когда-то мечтал... И получил на свою голову, блин. Ровно то, что хотел. Впрочем, смотрите сами.

Для начала магия Жизни на поверку оказалась невероятно сложной штукой, полноценно пользоваться которой можно было, только досконально зная полтора десятка медицинских дисциплин вроде анатомии, физиологии, нейробиологии и других “логий”. Которых я, естественно, на Земле не знал – был-то я не врачом и не биологом, а менеджером по продажам... Как будто этого мало, Стихию внутри себя нужно было для начала отыскать, заставить слушаться и выполнять необходимые действия – а потом долго и нудно “качать контроль”. Местные учатся такому с самого детства, проводя долгие годы рядом с наставником, а мне повезло попасть в тело восемнадцатилетнего одарённого, но не обученного обалдуя. Памяти предшественника мне практически не досталось, так что судить о степени магической начальной подготовки баронета Арна мне было сложно. Зато с оружием Бертран-младший явно когда-то тренировался: кое-что из приёмов владения копьём мне удалось “вспомнить”, но

сущие мелочи. А вот на шпагу навыки тела вообще не отзывались, как и на многое другое. И вообще создавалось впечатление, что восемнадцатилетний гражданин за предыдущие семнадцать лет более-менее освоил только дворянский этикет. Ну, как говорится, на безрыбье... Эх. Если бы к этим навыкам можно было хотя бы получить доступ по желанию, а не спонтанно из-за сложившейся ситуации... Ладно, проехали.

Что там дальше? Отважный истребитель монстров? Есть такое дело. В смысле выбора, чем заняться в жизни, у меня просто не было. Или копье в руки и вали в сторону Шрама, или... тоже вали, только из республики, без копейки денег за душой и уже навсегда. Учитывая, что за границами Лида царит приправленное магией средневековье, перспектива показалась мне так себе. Пришлось зарабатывать на жизнь методичным разделыванием магических мутантов на ценные ингредиенты, из которых повелители Жизни клепают, как на конвейере, новых чешуйчатых бурёнок и прочих полезных созданий вроде моей кобылы Вспышки. Учитывая, что в доноры годятся исключительно только что убитые без прямого использования магии твари, подобный заработок представляет из себя что-то вроде вдумчивой игры в русскую рулетку: почему-то твари добровольно идти под нож ну никак не хотят. И никакая экипировка, никакая команда поддержки не будут полной гарантией безопасности, что лично мне местная маго-фауна уже трижды наглядно продемонстрировала. В последний раз буквально на днях, что очень помогло быстро принять решение о временной передислокации подальше от границы зоны дикой магии и поближе к переходящему по наследству поместью.

Собственное баронство! Как звучит, а? Впрочем, учитывая количество родичей Арна разной степени дальности родства (один доброжелатель просветил, ага), без проблем здесь не обойдётся. Но одно я могу сказать наверняка: они точно не умеют плевать разъедающей всё и вся суперкислотой на два с хвостиком километра. То есть милые, в сущности, люди! Наверное, с ними даже договориться будет можно. Разговаривать с потенциальными клиентами я хорошо умею, и мне очень даже есть что родичам предложить. Прямо настроение поднимается, когда я думаю о занятии, не связанном с постоянным риском для жизни и разделкой истекающих кровью и кое-чем ещё менее приятным трупов чудовищ. А уж моё оставшееся на родной планете кресло старшего менеджера теперь вообще предел мечтаний. Никакого риска, не нужно как одержимому добывать с болью и кровью новые знания... И чего мне дома не хватало? Разве что пресловутого гарема.

Рона. Фирониэль. Эльфийка, которую даже близко нельзя подпускать к луку или сковороде, зато можно доверить самое главное. Моя остроухая радость и прелесть. Пожалуй, не будь её, не знаю, смог бы я смириться с этим миром? Смог в конце концов принять его, найти себе цель в жизни? А ещё Рона помогла мне найти и выбрать из толпы “мяса” Машу, второго и последнего близкого мне здесь человека. Именно ради них я собираюсь прыгнуть выше головы: стать магом, выучиться на повелителя Жизни. Ведь только так здесь можно с гарантией обезопасить от всяких там превратностей судьбы себя и свою семью. Если уж мне фактически досталась вторая жизнь, я намеревался хотя бы в ней получить то, чего не смог достичь в первой.

* * *

– Предупреждать будете, уважаемая? – с любопытством спросил я у разумной химеры в знакомой форме. Именно в такой вот комплект одежды и брони, напоминающий экипировку земного полицейского-спецназовца без шлема (с поправкой на местные материалы), были облачены стражники-республиканцы в южных кварталах города-университета. Хм. Надо полагать – это и есть форма лидовских погранцов. Логично, если подумать: кому как не им охранять спокойствие граждан и контролировать иностранцев в международном анклав?

– Куда ж я денусь-то? – притворно вздохнула девушка, шевельнув своими выдающимися ушами. Снежно-белый мех с чёрными точками и закруглённые концы. Привет, ещё один монстр, которого я не знаю... и не узнаю, если повезёт. – Гражданин. Пройдя под сводами внешних ворот, вы покидаете территорию гарантированного действия республиканского закона. На территории королевств вы действуете исключительно на свой страх и риск и в той же мере подвержены исполнению актов местного правопорядка, что и любой другой иностранец.

– Да уж в курсе, – хмыкнул я, через плечо кинув взгляд на Машу. Избыточно тяжёлый по охотничьим меркам доспех – дочка кузнеца позволила себе снять только шлем – при каждом движении всадницы россыпью разбрасывал вокруг себя солнечные зайчики. Ещё бы: если нужно, в элементы брони теперь можно было смотреться, как в зеркало. Перед отправлением я отдал вещи в мастерскую, где сняли матовый лак и в прямом смысле навели на металл блеск. Разумеется, в таком виде Марише про охоту на монстров можно было забыть, зато любому идиоту на дороге сразу становилось понятно: благородный

господин едет. Благородный и хорошо вооружённый: Милка легко тянула не только свою наездницу, но и целый арсенал из двух арбалетов, двух копий и “кабаньего” меча. Насколько мне удалось разузнать ситуацию насчёт дорожных неприятностей в королевствах – связываться с такими вот самоходными крепостями идиотов находилось мало. Что среди разбойников, что среди других благородных.

– Если вы всё же решили продолжить путь, – явно повторяя заученный текст, следом за мной оглядела мою спутницу пограничница, – то вам следует помнить: многие за пределами Лида относятся к жителям республики предвзято. Однако факт действительного гражданства не может быть достоверно установлен никем, кроме других граждан и их собственности, а также прошедших полный курс обучения магов Жизни.

В этом я тоже успел убедиться самостоятельно: свечение магии других Стихий для моего восприятия недоступно, и наоборот – тоже. Это при том, что магию одного вида можно было без особых проблем (зато с потерями) трансформировать в любую другую. Отчего, например, я прекрасно мог различить изготовленные в Лиде бытовые амулеты на основе контроля Воздуха или Воды – “заправлялись” они всё равно преимущественно доступной абсолютно любому гражданину Жизнью... Занятно, впрочем, другое: пограничница не взывает к чувству национальной гордости, а наоборот, чуть ли не прямым текстом советует не светить свою “прописку”. Надо полагать – прямая рекомендация “сверху” и заодно тот самый, редкий для культурных традиций Лида, а потому весьма ценный добрый совет. Впрочем, я и не собирался буром переть, как мажор-рабовладелец.

– Ещё что-нибудь? – на всякий случай переспросил я, вытаскивая из чересседельной сумки свёрток. Энергичное движение руками – и вот мои плечи украшает плащик, сделанный по той же выкройке, что и у Маши. Вот только цвет серо-стальной и посередине вышит герб: красная булава, перекрещенная с дубовой ветвью. Довольно простой герб, без всяких финтифлюшек вроде обрамления из листьев, цветов, звёзд и прочих символов, по которым, словно по госномеру автомобиля, можно узнать кучу дополнительной информации о владельце. Вот если стану из баронета полноценным владетельным бароном, выбив манор в наследство – тогда придётся дошивать понизу герба зелёный фон, например...

– Не забывайте вовремя вносить налоговые отчисления, – со смаком спустила меня из эмпирей геральдики прямо лицом в дорожную грязь химера, заставив непроизвольно поморщиться. Как тут забудешь... – Один пропущенный взнос – и ваша недвижимость будет передана в собственность полиса...

Да-да, а без собственности ты в течение месяца перестаёшь быть гражданином. Не смог за месяц найти и оплатить новую недвижимость в одном из городов? Блокировка печати и пожизненная депортация. Кстати, городское имение с тёплым сортиром могут отобрать и по другим причинам: из-за слишком сильно облупившегося фасада, например. Или потому, что владелец не соизволил оставить раба следить за недвижимостью, а заодно работать индикатором того, что достопочтенный гражданин не откинул на чужбине копыта. Дом, милый дом, мать его. Хотя по сравнению с местным вариантом магического рабства даже такие правила – всё равно цветочки.

* * *

Все живущие на территории республики разумные – или граждане-рабовладельцы, или их рабы. Если Платон когда-то считал, что для успешного построения демократии достаточно всего трёх невольников на душу населения, то здесь на одного гражданина приходится не менее десятка единиц подобного имущества. Именно на их труде, а ещё на железобетонно исполняемых законах и зиждется продвинутое и тщательно лелеемое благополучие Лида. Не само по себе зиждется, разумеется, а по воле теневых правителей.

Повелители Жизни, кстати говоря, не пафосное название правящего клана или там тайного общества, религиозного ордена какого-нибудь, а – вот представьте – научного течения. Не столь уж давно маги именно этой научной школы решили, что пора, пожалуй, применить свои теоретические наработки на практике. Взяли – и применили. Так применили, что у местных корольков волосы так дыбом встали, что аж сидеть на тронах неудобно стало. Желание уничтожить внезапно возникшее ненормальное по меркам привыкших к средневековым порядкам аристократов государство-соседа поначалу было нестерпимым, как резь в носу перед чиханием. Вот только учёные, – а наука в этом мире по понятным причинам неотделима от магии, – на удивление хорошо подготовились не только в плане контроля поведения рабов. Политики и вояки, поначалу скрипя зубами, вынуждены были отложить свои амбиции в дальний ящик... а потом очень быстро втянулись во взаимовыгодные товарно-денежные

отношения.

Лид не только надёжно затыкает собой немалую часть границы Шрама, но и непрерывно поставляет на местный “мировой рынок” великолепных химер. Что в плане боевой эффективности представляет из себя “лошадь”, способная за четыре секунды с места в карьер выдать около семидесяти километров в час по пересечённой местности, я получил представление на собственном опыте, “играя” в пятнашки-догонялки с тигром-мутантом. И я до сих пор жив, а вот меховой ковёр-переросток давно превратился в звонкие монеты. Для понимания: несколько вот таких вот камуфляжной расцветки “котиков” когда-то за два дня полностью уничтожили приграничное королевство Нария. Обычные, даже прекрасно обученные бойцы просто ничего не смогли противопоставить чудовищам. А неделю назад Вспышка с трудом, но всё-таки смогла вытащить меня из-под удара гидры – милой магической зверушки, которая тигров кушает на завтрак. И это – неразумная ездовая химера. Представляете, что могут творить вот эти милые, полностью разумные и способные пользоваться оружием девочки-пограничницы в чёрно-чешуйчатых “брониках”? Кстати, разумное живое оружие с прелестно выглядящими меховыми ушками – единственный класс химер, к экспорту благоразумно запрещённый.

Впрочем, республике и её хозяевам, скорее всего, не помогли бы ни магия, ни суперармия, если бы денежный поток в полном объёме оседал в карманах её граждан. Завоевали бы, не считаясь с потерями, по трупам бы прошли – только добраться до накопленных ценностей. Однако Лид не только крупный экспортёр, но и не менее крупный импортёр. Возможность в любой момент обменять собственных подданных на звонкую монету – вот что, как мне кажется, отлично примирило благородных с существованием “неправильного” государства.

Выезжать в случае чего за счёт подконтрольной черни – это давняя и любимая забава феодалов. Правда, обычно речь идёт только о всевозможных налогах в том или ином виде. Неурожай, война, свадьба старшего сына или любимой доченьки? Нехай крестьянин горбатится, его труд всё оплатит. После появления на карте этого мира республики стало возможно и от вконец разорившегося и озлобившегося живого актива заодно избавиться – что несложно, ибо на своих землях любой барон сам себе и прокурор, и судья, и свод законов в придачу. Печатам всё равно, кто под них попадает: висельник-убийца ли, мирный землепашец, ловкий мошенник или воин-ветеран. Результат всегда один: ещё

один послушный лот на рынке рабов. То, что добрые дворяне и банды разбойников-людоловов до сих пор не переселили половину континента на территорию Лида – заслуга исключительно низкой закупочной цены (ещё бы, с таким-то предложением!) на заготовки под будущих невольников. Не отбивается рентабельность сколь-либо дальней принудительной транспортировки людей.

* * *

...Кроме плаща я не забыл экипироваться и другими статусными вещами. Это по дорогам республики я мог сколько влезет рассекать без оружия, а в королевствах дворянин без железки у пояса – нонсенс. Особо желательно, чтобы “железка” выглядела как можно дороже, потому что благородный без понтов, спеси и желания померяться и тем и другим с окружающими – это ещё больший нонсенс. Так что теперь перевязь мне оттягивала изящная, с узким хищным клинком и сложной, изукрашенной декоративными насечками гардой шпага.

Клинок вообще-то изначально предназначался как раз для Маши – аксессуар подобрали специалисты нессарийского салона красоты к её новому модному “гвардейскому” мундиру. Впрочем, местные традиции предписывают сюзерену обеспечивать своим вассалам оружие и снаряжение за свой счёт, но никак не дарить – потому моё решение забрать шпагу себе было вполне в духе местных традиций. Нужно будет – просто отдам опять, а пока пусть у меня на боку болтается. К сожалению, именно что болтается – в моей руке это довольно-таки опасное и сложное в освоении холодное оружие ощущалось чужеродным куском металла, пусть и с удобной рукоятью. Увы, похоже, мой предшественник за все свои восемнадцать лет жизни так и не сподобился взять ни одного урока владения этим обоюдоострым шампуром.

Гораздо охотнее, чем шпагу, я бы повесил на пояс магический метатель – штуку вроде пистолета, способную пулять какой-нибудь атакующей магией прямого действия вроде огненных шаров или молний. Вот это были бы всем понтам понты – показатель не только статуса, но и очень, очень хорошего достатка. Увы, подобное оружие производилось буквально поштучно где-то в далёком горном анклав на западе континента и стоило совершенно баснословных денег – примерно как полторы ушастые пограничницы. То есть было не по карману от слова “совсем”.

Оставалось утешаться тем, что “закачанное” в мою правую руку и подключённое к Печати гражданина магическое плетение позволяло без всяких костылей и исключительно за счёт собственной магии довольно неплохо швыряться молниями... Точнее, один-два полноценных и смертельно опасных на небольшом расстоянии разряда я точно мог выдать. Проверено на медведях во время охотничьих рейдов – в смысле обычных, не изменённых. Топтыгины ближе к середине осени усиленно отжирались к зимней спячке и потому без зазрения совести спешили наведаться к людям, решившим приготовить нечто вкусненькое на костре. Впрочем, гораздо чаще встроенный чарошюкер я использовал как зажигалку – костёр там разжечь, фитиль коктейля Молотова подпалить... М-да. Определённо, есть множество вещей, о которых, когда они останутся в прошлом, я точно не буду вспоминать с ностальгией. Осталось только до этого светлого момента дожить. С другой стороны, я за тем и еду – приблизить насколько возможно наступление сего знаменательного мига.

– Уважаемая, а лично от себя какие-нибудь рекомендации и советы можете дать? – справившись с норовящей перекрутиться перевязью, поинтересовался я у как раз закончившей изображать из себя живой справочник по законодательству Лида химеры.

– От себя? – Кажется, мне удалось удивить стражницу вопросом. – Хм... ну, вообще могу. Советую не останавливаясь миновать Торжище и сразу двигаться к Кривым Рожкам у королевского тракта.

– Что еще за “торжище” такое? – напрягся я.

Разумеется, перед тем как куда-то ехать, я заглянул в любезно предоставленную купцом Рахманом карту. Заглянул, посмотрел – и купил все доступные листы вместе с тубусом для их хранения. Дорогая покупка – ручная работа, декоративные завитушки в оформлении, надписи “туть обітають чудовища”, и все дела. В королевствах, отправляясь куда-то, было принято заказывать перерисовку, но я решил не мелочиться. Лучше уж я переплачу, чем случайно выйдя за границы скопированной зоны, окажусь в “нигде”. Опять же пригодится, когда я разберусь со свалившимся на голову наследством и поеду-таки к своему будущему наставнику по магии. Надеюсь, его личность к тому моменту как раз определится...

– Торжище – это нелегальное поселение, – словно говоря про что-то незначительное, сообщила ушастая собеседница. – Пытались устроиться прямо за внешними воротами, но мы доходчиво объяснили этим... людям, что так делать не нужно. С третьего раза. И обгоревшие завалы заставили самостоятельно убрать. Теперь Торжище располагается в двух километрах к западу по дороге.

– Нелегальность этого Торжища проявляется в том, что его на картах нет? – посетило меня пока ещё смутное озарение. – Название ведь неспроста такое “говорящее”, я правильно понимаю?

– Напрямую платят королевским картографам и мытарям, вот и нет, – кивнула в ответ на второй вопрос девушка.

Ага. Ясно-понятно. Можно к гадалке не ходить – я и так теперь знаю, что там увижу.

– Может, нам вообще стороной это место объехать, сразу выйти на тракт? – на всякий случай всё-таки переспросил я. Мало ли...

– Просто не останавливайтесь, и всё.

Ага. Ну спасибо за добрый совет. Что ж. Добро пожаловать в благородные, гражданин Арн!

1

– Я поеду с тобой!

– Рона. – Я взял эльфийку за руку и нежно погладил по запястью. – Помнишь, ты мне сама рассказывала, как в королевствах относятся к эльфам? В лучшем случае как к рабам, а в худшем...

– Надену ошейник, – без тени сомнения перебила меня девушка.

Я непроизвольно поморщился. Рабство на территории государств-монархий тоже было – в смысле не просто закрепощение крестьян с запретом покидать земли феодала, а “настоящее”, хардкорное. В основном такое явление практиковалось в южных землях: вдали от Шрама и его опасностей, среди плодородных чернозёмов, дающих по два урожая в год. Там у благородных было существенно больше средств и возможностей развлекаться по-всякому и гораздо меньше причин отрываться от этого занимательного процесса. Именно южанами была придумана следующая ступень низведения разумного до состояния бесправной вещи и её символ – металлический клёпанный ошейник без замка. К носящим подобный атрибут по умолчанию следовало относиться как к чему-то бездушному, а потому совершенно не беречь. То есть, например, использовать для каторжного труда в шахтах, на земляных работах – ну и так далее, включая, судя по смутным слухам, зачем-то необходимые тамошним магам человеческие жертвоприношения[1 - Жизненную силу можно конвертировать в магию Жизни, а её, в свою очередь, в магию любой другой Стихии. Подробнее об этом см. в книге “Гражданин”.].

К счастью, идея с немагическим рабством Белой Церкви, с их любимой риторикой о добровольном и радостном подчинении черни дворянству пришлась совсем не ко двору. Клирики закономерно усмотрели в “изобретении” ошейников попытку “нелицензионного” копирования успехов республики Лид (с которой сами разобраться не могли) и моментально полезли наводить свои порядки. Влияния светлых на юге, правда, всё-таки не хватило, чтобы подобную практику пресечь целиком и полностью, но оказалось достаточно, чтобы с ногами влезть в процесс. В итоге в ошейники преимущественно заковывали только осуждённых преступников и только с санкции святош – этакая полезная для общества альтернатива казни. Исключение допускалось ровно одно: нелюди. Вот их можно было превращать в вещи без оглядки на закон и мораль самостоятельно и использовать любым способом. Думаю, не нужно уточнять, что ждало в таком рабстве молодых и красивых эльфиек?

Разумеется, эльфы оказались, мягко говоря, не в восторге от открывающихся перспектив. Те их свободные поселения, что не пожелали пойти под крыло республики, вынуждены были перекочевать к самой границе Шрама и тщательно скрывать своё местоположение. Оттого достать ушастую невольницу сейчас довольно-таки непросто, а значит, дорого. Опять-таки, если на юге церковники всё из-за того же недостатка влияния смотрели на развлечения благородных сквозь пальцы, то на севере такой проблемы у Белых не было. Заблудшему чаду могли настойчиво порекомендовать избавиться от нечеловека и даже дровишек для костра привезти прямо на дом вместе со специалистами

по аутодафе. Это не считая того, что ценный приз могли попытаться просто-напросто отбить, причём не обязательно разбойники. Вот и вопрос – оно мне надо?

Фирониэль я, разумеется, смог отговорить. Подозреваю, правда, что победа осталась за здравым смыслом не без воздействия Печати подчинения – слишком уж потенциальная поездка на территорию королевств для дочери лесного племени напоминала изощрённое и мучительное самоубийство. Но просто так эльфийка меня, разумеется, не отпустила. Таких страстных и бурных ночей, как в течение последней недели перед нашим временным расставанием, у меня ещё никогда не было! Ни в том мире, ни в этом. А дни, пока я и Маша в авральном режиме пытались собрать себе хоть какой-нибудь денежный резерв в дорогу, Рона проводила с иглой. Исколола себе пальцы так, что мне несколько раз пришлось обращаться к силе своей Стихии, осунулась от усталости – но своего добилась. Ни одного предмета одежды без вышивки, включая нижнее бельё, у меня не осталось. Особенно впечатляющим вышел герб на плаще: уж не знаю, как у эльфийки так получилось, но при взгляде со стороны создавалось впечатление, что палица и дубовая ветвь как бы парят над серой поверхностью ткани.

...Маленькая стройная фигурка в развевающемся на зимнем ветру длиннополом тёплом платье на крыльце нашего коттеджа в Миракии, кутающаяся в шаль в свете косых утренних солнечных лучей – эта картина до сих пор так и стояла у меня перед глазами. Я покидал полис с тяжестью на сердце: не так, совсем не так мне ещё недавно рисовалось начало путешествия к вершинам начального магического образования. Чем-то моя “командировка за наследством и далее” напоминала самые первые шаги в этом мире: впереди неизвестность, которую и менее поспешная подготовка развеять не смогла бы, в кошельке-калите у пояса дырка от бублика (ну почти, если сравнивать с теми суммами, что там ещё недавно звенели), а в качестве поддержки и опоры – одна-единственная спутница...

Однако отличная республиканская дорога мягко ложилась под копыта химер, равнодушная к любым чувствам путников. И чем больше километров разделяло меня и так и не обжитый дом, тем легче становилось на душе. Нет, я по-прежнему не обманывался насчёт своего будущего – в поместье никто розовые лепестки под копыта Вспышки кидать не будет. Скорее уж наоборот – если меня там и ждут, то уж точно не с распростёртыми объятиями, а крутя за спиной фиги. Но... я снова молод, чёрт возьми! И после шести месяцев практического

уничтожения тварей, смею надеяться, действительно могу за себя постоять. Под моим седлом зверюга, способная дать фору иному кроссовому мотоциклу с Земли, рядом скачет мой верный рыцарь, обвешанный оружием и бронёй, словно танк, а за спиной реет плащ с родовым гербом. Грех жаловаться на судьбу и унывать! Не зевать, не расслабляться, быстро и качественно работать головой, пользоваться любой открывшейся возможностью, чтобы изменить ситуацию в свою пользу – вот и всё, что от меня требуется. В конце концов, этот “квест” я взял себе по собственному выбору, а не под давлением обстоятельств непреодолимой силы. Если что – могу и задний ход дать...

* * *

Насчёт дороги по ту сторону пограничной черты – это я угадал. От внешних ворот заставы-форта вдаль тянулась обычная грунтовка, в меру разбитая и по-зимнему грязная. А так – пейзаж не особо и изменился: ржаво-зелёные, заросшие прибитой холодами и осадками травой обочины, от которых тянет силосом; серо-коричневая стена не особо густого леса, в котором тёмно-зелёными пятнами проступают сосны и ели. И блёкло-синее, совсем не летнее небо над головой. Зимнее солнце светит ярко, а вот греет откровенно плохо: хлюпает вода под копытами химер, меж лесными стволами клубится жидкий, прозрачный туман, а в тени особенно густых ёлок и вовсе лежат кучки серого, ноздреватого снега. Точно такого же цвета немедленно стала и шёрстка на ногах моей Вспышки. Ещё один повод не срывать лошадку в галоп – тогда в цвета местной зимы очень быстро окрашусь и я. Вот, кстати...

Я обернулся к отставшей на полтора конских корпуса спутнице и хмыкнул. Да уж, правильно говорят: танки грязи не боятся. Копыта тяжело бронированной и дополнительно нагруженной Милки на каждом шаге во все стороны расплёскивали вязкую гадость, так сказать “дорожного покрытия”, словно воду. Н-да. Пожалуй, дорожные разговоры стоит отложить как минимум до королевского тракта. Есть слабая надежда, что хотя бы та дорога будет напоминать именно что дорогу, а не мелкое и, что греха таить, неприятно пахнущее болото. Даже воняющее, скорее... Сильно воняющее!

...Это оказалась не дорога. В смысле – источником запаха было не месиво под ногами химер, а то, что было впереди. Грунтовка вильнула – и деревья вдоль обочин неожиданно расступились, открывая вид на... на... Блин. С чем сравнить-

то? Наверное, если бы существовало специальное кривое зеркало, искажающее не пропорции отражения, а его суть, то именно так выглядел бы в нём буквально пятнадцать минут назад покинутый форт республики. Ворота и стены – да. Но вместо каменного монолита небольшой, но грозной твердыни – почерневшие, стоящие вкривь и вкось брёвна частокола и несколько жердей, чисто символически обозначающие створ для въезда. Створки тоже есть – из трухлявой даже на вид, сочащейся влагой неподъёмной доски, и, похоже, навсегда вросшие в открытом состоянии в землю у обочин. А за “стенами”...

Не знаю, как у местных жителей получилось добиться подобного эффекта, но грязевая лента дороги внутри словно разливалась по сторонам, в середине своей превращаясь в совсем уже непролазную хлябь. В лужах неспешно копошилась тройка грязных по самые кончики ушей свиней и с десятков на удивление практически чистых гусей. Разумная жизнь центральную часть “площади” благоразумно огибала, сосредотачивая своё присутствие по краям, у там и сям криво натканных изб – таких же чёрных и скосбоченных, как и частокол. Стоп, я сказал “разумная”? Кажется, поторопился.

Строения внутри неровного круга кое-как заточенных сверху брёвен образовывали свою окружность – ещё более кривую. Малые пародии на избы, похоже, являлись вроде как жилыми домами – из каменных труб поднимался дым, крохотные слепые окна иногда поблёскивали тусклыми поверхностями грязных стёкол. А вот большие... Одно... одна... один большой лабаз со скошенной крышей оказался таверной – прибитую над притолокой подкову я разглядел после того, как из-за двери выпали два цепляющихся друг за друга и за керамическую бутылку вдупель пьяных тела. Не заморачиваясь соблюдением приличий и элементарной гигиены, эти двое стали орошать стену прямо рядом с порогом скопившимися в организме излишками жидкости. При этом раскачиваясь, словно невидимый ветер так и норовил сбить их с ног.

Если кто думает, что на подобную сцену кто-то из здешних жителей обратил внимание или паче чаяния одёрнул – вотще. Внутри не такой уж всё-таки и большой территории бесцельно шлялись или занимались своими делами человек этак с двадцать одновременно – и хоть бы один голову повернул. Откуда-то до меня и остановившейся рядом Маши долетало мычание, из ближайшей избы слышались женские взвизги и смех то ли на два, то ли на три голоса, вдали плакал ребенок, лаяла собака...

– То самое Торжище, про которое нас предупреждали, – наконец дошло до меня. Уж больно открывшаяся картина поразила до глубины души своей сюрреалистичной целостностью. Надо признать – редко я видел подобные зрелища, а за последние полгода – вообще ни разу. Теперь, когда пронзительность пейзажа уже не так сильно резала взгляд (и нос, о боже! Как они тут живут?!), я стал замечать сначала пропущенные детали. Например, парочка пьяниц у стены трактира несла на себе Печати республики, причем не рабские, а гражданские. Ещё одна Печать проглядывала через стены ближнего сарая – судя по всему, поставленная на ездовую химеру. Да и из дома с веселящимися шлюхами (ну а кем ещё?) ритмично, но едва заметно мерцало призрачно-зелёным. А вот у занятых делами местных Печатей как раз не было. В общем, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, чем тут живут.

– Поехали отсюда, – борясь с лёгкими приступами накатывающей тошноты, приказал я. Двинул было Вспышку по краю “площади”, но увидел, как несколько женщин в безвкусно-цветастых платьях кучкой двинулись в нашу сторону – и направил химеру напрямик. Что-то мне подсказывало, что я так меньше испачкаюсь...

* * *

– Теперь я понимаю, почему погранцы это самое Торжище сожгли. Трижды. – Придержав свою уже не очень белую лошадку, я теперь ехал бок о бок с дочкой кузнеца. После форсирования “главной площади” с позволения сказать поселения угваздаться сильнее было уже просто невозможно. В смысле – грязь продолжала лететь, но в том же темпе отваливалась под слоем собственного веса.

– М-мерзость, – согласно передёрнула плечами рыцарь. – Как они так могут жить?!

– Минимум вложений и максимум отдачи. – Лесной воздух после смрада вокруг Торжища пах, словно амброзия. – Видал я такие “схемы”...

– “Схемы”? – не поняла меня Маша.

– Нечто, что позволяет на первый взгляд совершенно законно и быстро, причём в течение некоторого промежутка времени, а не один раз, получать высокие прибыли. – Я скривился, пытаюсь поточнее раскрыть пришедший в российский бизнес прямо из “лихих девяностых” термин. У меня на родине объяснять обычно никому не требовалось. – Не думаешь же ты, что все эти торговки собственным телом и подавальщики-наливальщики алкогольной бодяги именно тут случайно сами собой собрались? Или у них поинтересовались, в каких условиях они хотят жить?

Люди... во всех мирах мы остаёмся самими собой. Если есть те, кто готов заплатить за “запретные” развлечения, то немедленно находятся “доброжелатели”, организующие подобный досуг. Так и появляются на Земле целые кварталы в курортных оффшорах, застроенные казино, и целые страны, чуть ли не официально специализирующиеся на секс-туризме. Если так подумать, то в половине подобных мест моего родного мира всё организовано не менее... грязно. Прямо-таки вселенская закономерность какая-то... Хотя, если подумать, всё логично.

– Мерзость... – уже с другим оттенком эмоций в голосе повторила девушка.

Объяснять, не объяснять? Пожалуй, придётся – а то мы так толком и не поговорили после того, как я получил от Рахмана предупреждение о проплывающем мимо наследстве. Пришлось собираться в дорогу бегом и кувыркком – присесть некогда было, не то что объяснить свою задумку. Хотя, может, и хорошо – времени на депрессию у дочери кузнеца тоже просто не осталось... А потом мы полтора суток галопом летели по идеальным республиканским трактам – с единственной короткой остановкой на поспать. И правильно сделали, как выяснилось – теперь-то спешить уже не выйдет. Не по таким хлябям. И это ещё погода идеальная – солнечная и для этого сезона сухая. Если пойдёт дождь... брр.

– Маша, скажи мне, ведь у вас в деревне улицы точно так же зимой развозило? – кивнув под ноги химерам, уточнил я, заранее зная ответ. Природа моей родины наглядно и с удовольствием демонстрировала его всем желающим, решившим осенью или весной сделать шаг в сторону от асфальта. В Лиде и окрестных королевствах в целом климат заметно теплее, чем в России, но, видимо, по другим параметрам типа состава почв и характера увлажнения сходства хватает. – А пытались бороться как-то с распутицей? Ну ладно, не везде, а хотя бы вокруг храма, например?

– Отец Митчелл, кажется, предлагал, чтобы деревянным настилом площадь застлала... – сбита с толку неожиданным вопросом, честно попыталась вспомнить дочка кузнеца. – Кажется, говорил, что в церковных сёлах все так делают... Я тогда маленькая была, мне неинтересно было. А что?

– А то, что предложение вскладчину улучшить общий комфорт отклика в широких массах не нашло, – против воли невесело улыбнулся я. Знакомо, как знакомо-то...

– По крайней мере, мы не выливали поганые отходы туда, где все ходят! – Марише показалось, что она поняла, к чему я клоню. – И если кто дом строил, всем миром всегда помогали, и папа тоже!

Рыцарь осеклась, наверняка не понимая, что это вдруг на неё нашло. Нет, всё-таки не зря я убедил её написать письмо этому самому клирику Митчеллу и аккуратно намекнул черкнуть пару строк ещё и деревенскому кузнецу. Как бы девушка ни хорохорилась, видно, не самое приятное расставание с ближайшим родственником, несмотря на все случившиеся после события, всё-таки продолжало лежать едва заметной тяжестью на душе. Ну козёл её отец, что сказать, – но ведь ближайший родственник, другого нет. Маше, когда мы покидали Нессарию, явно изрядно полегчало. Если бы не чёртова гидра...

– Я к тому, что никто не будет вкладываться в то, от чего лично для себя не видит отдачи, – терпеливо объяснил я. – Торжище, как ты слышала, официально ничьё, его вообще как бы нет. А значит, его без последствий может кто угодно сжечь. Так зачем делать хорошо, если можно дёшево? Ну и люди, согнанные владельцами схемы туда работать, рассуждают точно так же: чего стараться мусорное ведро тащить до забора, когда завтра, может, от всего здесь одни угли и останутся.

Маша задумалась. Как и у Фирониэль, образование деревенской девочки было... как бы это помягче выразиться, несколько однобоким. Только в отличие от дочки вождя, дочь кузнеца никто не научил собственным примером задумываться над привычными, казалось бы, вещами. А житейской мудрости мой вассал набрать попросту не успела, почти сразу после побега из дома завербовавшись в

солдаты Белых и тут же, буквально считанные дни спустя, попав в рабство. Ну ничего, уж сейчас прогресс виден невооружённым глазом. Увы, именно перенятая у меня привычка анализировать и сопоставлять факты наверняка и стала причиной нескольких последних Машиных срывов. Натуральное горе от ума, блин. Но лучше так, чем блаженный идиотизм.

– Затраты и отдача... – подождав немного, повторил я, глядя в сторону. – Маша, как ты думаешь, зачем я вообще сорвался за наследством?

Ага, ну что я говорил! Сначала – полный непонимания взгляд в ответ, а потом девушка сопоставила мой вопрос с нашим разговором. Отнюдь не дура мой вассал и учиться умеет буквально на лету.

– Титул – это ведь не только почёт и уважение, не только положение в обществе. Это ещё и обязанности, с ним связанные, – опять глядя на дорогу, продолжил я. – И перед простыми людьми, живущими на твоей земле... и перед тем, кто тебе этот титул дал.

Не знаю, кого как, а лично меня больше всего сейчас напрягало как раз последнее. Почему-то люди, мечтающие заполучить титул, обычно забывают о главной подляне для дворянина: право владеть землёй и командовать личной дружиной и крестьянами даётся монархом. И даётся не просто так – король, герцог, князь или кто там сидит на самом вершине пирамиды власти на данной территории, закономерно рассчитывает на дивиденды от своего вложения.

Живя на Земле, я тоже эту довольно очевидную тонкость напрочь не воспринимал, хотя казалось бы – очевидно же! Вот безземельных и безгербовых благородных по сути дела и ухватить не за что: сюзерен отпустил на вольные хлеба – всё, ты сам себе командир. И кто поумнее, как я понимаю, уже давным-давно просёк фишку и вверх не лезет. Потому что уже сам герб, даже не подкреплённый территорией – мишень для манипуляций. Отобрать его выдавшему когда-то монарху – постараться надо, но если задаться целью и найти повод, то вполне возможно. Другое дело, кому на фиг обычно нужен безземельный рыцарь? А вот баронет, претендующий на пусть и небольшой, но приносящий стабильные доходы кусок земли, который к гербу прилагается – мишень, как ни крути, уже поинтереснее.

То-то Рахман подсуетился, сумев сопоставить личности охотника Арна из Миракии и баронета Арна Бертрана. Даже займы попытался предложить “под совсем мизерный процент”, сволочь такая. А всё почему? Да потому, что я от своей земли никуда не денусь... если баронство станет моим, конечно, но риски умный и ушлый торгаш наверняка посчитал и счёл приемлемыми. И это всего лишь купец, который максимум что сможет – получить некий косвенный доход от влияния на феодала самого низкого уровня. Спрашивается, зачем я тогда добровольно сунулся в этот самый гадюшник? Да всё потому же.

Деньги. Деньги, ради которых не нужно лезть под клыки нарийского тигра или кислотные плевки черепахи-мутанта. Затраты – и отдача. Мои усилия могут закончиться ничем, но я по большому счёту, кроме времени, ничего не потеряю. Кроме пары зимних месяцев, в течение которых степная бескормица всё сильнее выдавливает обитателей Шрама на юг, превращая и без того небезопасное ремесло охотника на монстров совсем уже в лотерею, в которой лично от меня мало что зависит. Мне дважды серьёзно повезло, и продолжать испытывать судьбу я не готов. Пока не готов. Что-то мне подсказывает (здравый смысл, не иначе): для неофита от магии Жизни правила игры будут со-овсем другие.

В этом смысле поездка за наследством для меня абсолютно бесприкрытый вариант. Получу деньги, смогу нанять наставника-мага? Отлично! Не получу? Что ж, зато приобрету неоценимый опыт жизни в королевствах, который был у Арна до попадания, но отсутствует у меня. Ведь ехать к учителю потом придётся рано или поздно так и так.

...А теперь все эти размышления нужно постепенно и аккуратно донести до Маши. Времени подумать над изменениями в своей судьбе у моего вассала, как я и говорил, толком не было, да и сама дочка кузнеца больше не та наивная дурочка, решившая попытать счастья в церковных солдатах и угодившая в рабство – что и показывают недавние нервные срывы. Тем не менее, детские мечты после прочтения рыцарских романов никуда не делись. Не хочу, чтобы моё решение продолжать ранее выбранный путь мага научной школы повелителей Жизни вместо подвернувшейся возможности служению какому-то там корольку стало для неё неприятным сюрпризом. Ну что ж, дорога лучше не становится, логические выводы из приведённых аргументов рыцарь делать научилась очень даже хорошо. А напрягать мозги ничуть не менее полезно, чем мускулы. И мне, и ей.

* * *

– Да, Рожки определенно кривые, – прокомментировал я для спутницы открывшийся вид на первое для меня официальное поселение королевства Балот. За три с лишним часа, пока мы тащились в сторону королевского тракта, у меня здорово так укрепились подозрения, что созвучие названия страны (ага, “страны” – размеры меньше половины Московской области) и слова “болото” – неспроста. Я по неопытности, почувствовав вполне определённые позывы организма, направил Вспышку к обочине и лихо спрыгнул на траву... и влип так, что с трудом сапоги выдрал! Как оказалось, под скреплённым переплетёнными корнями слоем дёрна лежала всё та же чёрная грязь. Если просто ходить – вроде как и не проваливаешься, но стоит чуть подпрыгнуть или топнуть посильнее... М-да. А вот Машу в броне почва уже не держала. В итоге в походы к кустикам и назад мне приходилось своего рыцаря буквально вести за ручку – иначе встать из скользкой каши под ногами в случае падения у неё самостоятельно могло и не получиться. Средневековая р-романтика, мать её! Очень надеюсь, что тут просто место такое, и мы скоро из него свалим: к северу от Эрста, от полиса и до самого вала Шрама такой проблемы нигде не было.

Кривые Рожки располагались на высоком берегу безымянной речки-переплюйки, которой, к слову, тоже на карте не было. Оставалось только догадываться, что ещё картографы королевств по тем или иным причинам “не заметили”...

Около деревни вода разливалась широким плёсом, и в ранних сумерках редкие тусклые огоньки, горевшие далеко не во всех окнах, отражались в чернильно-чёрной, мёртвой (по запаху – определённо мёртвой, фу) воде. Если смотреть с противоположного берега, деревня действительно словно охватывала посадами озеро, будто стремясь сжать его и удержать. В ответ стихия упорно подмывала излучину, заставляя массы грунта медленно сползать вниз – вместе со всем тем, что там понастроили люди. Надо ли говорить, что на пользу домам и сараям это категорически не шло?

Ещё одна “прелесть” зимы – короткий световой день. Дорога, не размениваясь больше на повороты, без затей ныряла прямо в озеро, а стремительно темнеющее небо не давало шанса найти какой-нибудь другой путь. В итоге брод, шипя под нос матерные проклятия, пришлось форсировать сходу – иначе мы рисковали и вовсе заночевать на берегу. Единственное – я заставил Машу снять броню, а сам всё время, пока химеры брели где по колено, а где и по брюхо в воде, сжимал в руках рукоять подаренного когда-то владельцем

скотобойни разделочного ножа. К счастью, Милка всё-таки не поскользнулась, чего я так боялся, и мне не пришлось нырять и перерезать ремни лошадиного доспеха, ориентируясь на видимое только мне свечение Печати. Пронесло... Надо ли пояснять, в каком настроении мы попали в селение?

Сцена прибытия в темноте в придорожный трактир благородных путешественников есть практически в любой фэнтезийной книге или историческом фильме. И вот что я скажу: враньё от начала и до конца. Лай собак, свет факелов, расторопный мальчишка-конюх, за монетку споро распрягающий лошадей? Ага, десять раз.

Пока мы добрались до длинной избы с подковой над дверью, темнота окончательно сгустилась. И вместе с ней погасли все огни в домах – вообще все. Если бы не почти полная луна, пришлось бы ориентироваться на ощупь или внаглую вламываться к кому-нибудь наугад, лишь бы крыша над головой была, а в углу – растопленная печь. А так жирно мерцающая в неверном жемчужном свете полоса грязи с лужами довела нас до центра деревни, ну а там особого выбора и не было.

Воняло в Кривых Рожках не так уж и сильно – по крайней мере, если сравнивать с Торжищем. Однако распахнутая дверь в таверну несколько поколебала моё представление о неприятных запахах. Скисшая стряпня, человеческий пот, подгоревший жир – всё это накладывалось на вполне аппетитные запахи из кухни и давало воистину убойный эффект, заставляющий подкатывать к горлу даже пустой желудок.

Чем хороши химеры: в отличие от обычных лошадей их можно спокойно оставить на улице осёдланными и навьюченными, не привязывая, и никуда они не убредут без соответствующего приказа. Посторонним к ездовым магокиборгам без разрешения хозяина тоже лучше не подходить – не копытом прилетит, так зубами. Тем не менее, без обслуживания транспорт лучше не оставлять – запас здоровья и выносливости у творений магов по сравнению с обычными ездовыми животными большой, но отнюдь не бесконечный. Одно из первых правил, которому учится охотник-новичок в рейдах: хоть умирай от боли, голода и усталости разом, но если нет опасных открытых ран, то сначала разберись с лошадьми и только потом – с разумными. Поскольку выходить из заведения навстречу нам никто не спешил, договариваться и разбираться с владельцами таверны, согласно старшинству наших титулов, отправилась Маша.

Я же, войдя, получил возможность как следует оглядеться по сторонам.

Ну, как оглядеться? Первое и главное после удара по обонянию впечатление: темнота. Лишь чуть-чуть менее густая, чем снаружи: только из-за этого я вообще что-то смог рассмотреть. Источником света служили крохотные огоньки... даже не знаю, как правильно эти штуки назвать. Горелок? Лампад? Керамические плоские с вязкой на вид жидкостью, в которую опущен “хвост” едва-едва горящего фитиля – этакие прабабушки керосиновой лампы. Причём я сходу даже не брался сказать, чего больше было в решении хозяев заведения сделать пламя предельно маленьким: желания сэкономить топливо, попытки по возможности уменьшить вонь (вот что было источником запаха горелого жира!) или необходимости в минимальной пожарной безопасности на случай, если кто такую “лампу” перевернёт. Пока плоска с фитилем будет падать – огонь, скорее всего, погаснет раньше, чем подожжёт разлившееся масло... При таком “освещении”, кроме, собственно, самих горелок, можно было разглядеть только контуры предметов мебели, посуды на столах и силуэты немногочисленных посетителей. Ну и найти дверь в подсобные помещения – над ней мерцала одна из лампад.

Я, помнится, говорил, что таверны Лида сделаны “под старину”? Забудьте. Дизайнер типовых зданий для питейно-гостиничных заведений республики явно попытался сохранить некоторые аллюзии на подобные места в королевствах – но именно что аллюзии. Или, не знаю, воплотить идеализированный образ, что ли. Во-первых, в помещении общего зала просто не было привычной мне стойки – вот вообще. Маше это оказалось не в новинку – девушка просто подошла к двери на кухню и без затей позвала хозяина, с позволения сказать, бизнеса (местный аналог классического “эй, трактирщик, где тебя черти носят?!”). Во-вторых, никакого камина – видимо, в деревянном доме держать столь мощный источник открытого пламени местным показалось не самой умной идеей (поддерживаю!). В-третьих – элементами дизайна интерьера тоже заморачиваться не стали. С некоторой натяжкой за них могла бы сойти только низка луковиц (кажется, чеснока), гирляндой свисающая с невидимых во тьме стропил – однако, похоже, это скорее был аналог солонки и перечницы на столе в земном ресторане. По крайней мере, прямо на моих глазах один из посетителей подошел к низке и ничтоже сумняшеся оторвал себе одну. Класс. А, и да. Ни одного амулета или предмета с магией Жизни.

Про посетителей я бы хотел рассказать отдельно. Хотел бы, но мои желания реальности были строго побоку: я не то что лица – детали одежды толком

разглядеть не мог! Вроде на ком-то тоже был дворянский плащ, но ручаться я бы не стал. Единственное, что могу сказать – людей было около десятка, кто-то спал, навалившись на стол, некоторые неторопливо разговаривали, создавая в помещении невнятный гул. При нашем появлении разговоры на несколько секунд притихли, но потом опять вернулись к прежней громкости. Я прислушался, но толком ничего интересного расслышать не успел: Маша договорилась.

Одно в таверне всё-таки было хорошо: внутри оказалось по-настоящему тепло. Что прекрасно ощущалось, стоило только выйти наружу. Рассёдлывать и чистить химер пришлось самим – от щедрот сервиса нам выделили аж одну персональную горелку, немедленно задутую уличным ветром, и небольшой мешочек с зерносмесью для прикормки[2 - Лошади для длительного активного движения нужен калорийный корм. В сене калорий не так уж много, потому, если предполагается на следующий день ехать дальше – то будь любезен калории транспорту предоставить. Прикормка и сено/силос для скотины примерно как для человека мясо с гарниром – то есть хорошо сбалансированный обед. Можно питаться одним мясом или налопаться пустой кашей до сытости, но по возможности лучше питаться правильно. В современных условиях у нас, на Земле, обычно не заморачиваются ручным смешиванием компонентов рациона и используют готовые комбикорма.] лошадей. Сначала Маша собиралась забрать всю поклажу с собой, включая длинное копье, но, подумав, мы большую часть оружия и припасов просто оставили у дальней стены “нашего” стойла. Кто захочет связаться с химерами, польстившись на чужое добро – пусть пеняет на себя. Засыпали корм в одно деревянное корыто, начерпали воду в другое. Моя спутница, ловко орудуя цельнодеревянными вилами, в несколько движений накидала к горке зерна сена из расположенного в углу конюшни стога. Потом мы в четыре руки в свете походного алхимсветильника орудовали щёткой и скребком – хорошо хоть, я не забыл сунуть столь полезный, но в последнее время не очень нужный на охоте предмет в одну из чересседельных сумок, и всё-таки смог в темноте найти – в какую. В общем-то, примерно так мы обустроивались на ночлег каждую ночь в рейде, пока у нас Милка была единственной химерой. Разве что еду наш грузовой транспорт на природе летом вполне самостоятельно находил прямо на месте. Стоило пораньше вспомнить про лампу, но тут сработала привычка: как бы ни было темно, в движении по лесу лучше не слепить себя и химер.

– Маш, этот постоянный двор – он как, типичный для королевств? – Я прикрутил мощность светильника до минимума, сравнил с трепещущим на сквозняке огоньком масляной коптилки и со вздохом выключил лампу совсем. Фонарь-то я взял, а вот насчёт запаса алхимреагентов заранее не подумал. Мне даже в голову не пришло, что я не смогу их купить, если будет нужно. Однако местный уровень успел произвести на меня вполне определённое впечатление, и теперь я испытывал вполне закономерные сомнения.

– Мм-м... наверное. – Мой вопрос застал спутницу врасплох, она даже замерла на несколько секунд, обдумывая ответ. А когда стала отвечать – уверенности её голосу определённо не хватало. – Прости, Арн, но я и видела их всего четыре, включая этот...

М-да. Ступил.

– То есть крестьянам ночёвка в таверне, получается, не по карману. – Так привык воспринимать дочку кузнеца своим рыцарем, что напрочь выбросил из головы её происхождение.

– Если едут на ярмарку продавать выращенное или назад – то обычно останавливаются, – уточнила Мариша. – Или когда отец ездил в баронский замок на работы по найму – тоже остановку в таверне делал. Телегу с инструментами на ночь за забор загнать, лошадь в стойло отдохнуть поставить. А если идти летом, из вещей только котомка за плечами, а с собой всего пара монет, то и в поле ничего...

Весело моя спутница до вербовочного пункта Белых добиралась – а я со своими не до конца изжитыми стереотипами с Земли совсем по-другому её путь представлял. И ведь добралась же, причём я вижу, как некий подвиг своё бегство из дома и пешее путешествие даже близко не воспринимает. Класс. Надо полагать, что и остальные сельские жители, не отличающиеся повышенным достатком, передвигаются по королевствам точно так же...

Я приоткрыл дверцу в воротах конюшни – и влетевший внутрь порыв ветра немедленно загасил фитилёк на плошке с маслом, окончательно погрузив окружающий мир во мрак. Гостиничный с-сервис на грани фантастики, мать его!

* * *

Вы когда-нибудь уезжали к знакомым в пятницу вечером на ещё ни разу не виденную вживую дачу? Поесть шашлыков и как следует оттянуться за субботу, чтобы в воскресенье вернуться в город? А ещё там обещаны “лес под боком” и “кристально чистое озеро, где купаться и загорать можно”? Не знаю, как вы, а я так по молодости налетал раза три. На поверку “дача” с завидной регулярностью оказывалась летним домиком с крохотными комнатками и “картонными” стенками со щелями в палец толщиной, куда местные комары с трудом, но всё-таки протискиваются; озеро – крохотным противопожарным прудом, заросшим кувшинками и тотально оккупированным лягушками; а обещанный загар, шашлыки и веселье нужно ещё постараться неким образом самостоятельно добыть под ледяным проливным дождём. Для полноты картины именно в нужный день что-то должно случиться с электричеством – и получится чуть ли не полная копия условий с “нашего” постоянного двора. За исключением щелей и насекомых, правда, – надо отдать местным должное. Ах да, и внутри было тепло и сухо – это я сразу оценил, стоило только выйти на улицу.

В качестве умывальника – колодец, в котором ведро проломило корочку льда на поверхности воды. В качестве туалета – вонючая будка с дырой в полу. В качестве мебели – явно сколоченные собственными силами грубые топчаны (комнаты для постояльцев) и не менее грубые массивные столешницы и лавки. Когда на завтрак подали неровные куски обжаренного “с дымком” мяса а-ля шашлык, ощущение дачного дежавю стало совсем полным. Если бы не практика осенних охотничьих рейдов, пожалуй, я бы на полном серьёзе задумался, не повернуть ли мне назад – и чёрт с ним, с наследством! А так поймал себя на мысли, что по сравнению с отсыревшей за ночь, несмотря на вентиляционный амулет, палаткой, на постоялом дворе очень даже неплохо. А уж питаться не кое-как разогретой на костре вчерашней кашей в котле, который ещё и самостоятельно отмывать после еды придётся – вообще здорово и приятно. Вот уж воистину – всё познается в сравнении. Главное, чтобы было с чем сравнивать...

– Что-нибудь ещё желаете, ваше благородие[3 - Ваше благородие – обращение к барону. Обычно представители неблагородных сословий так обращаются еще и ко всем носителям плащей без герба: с них не убудет, а рыцарю или “просто” благородному приятно.]? – хозяин таверны, которого я вчера ни разу даже в глаза не увидел, сегодня подбегал к нашему столику с регулярностью раз в пять

минут. Причем именно что подбегал. Уж не знаю – то ли он разглядел наконец нашу одежду и снаряжение (и герб на моём плаще), то ли просто мы остались единственными посетителями. Весь вчерашний народ куда-то делся – в общем зале завтракали мы с Машей вдвоём.

– Пожалуй, еды в дорогу, – подумав, решил я. – Что-нибудь, что можно есть не разогревая и с седла.

– Сей момент! – Мужик унёсся на кухню, даже спиной демонстрируя, как спешит выполнить поручение. Походная еда у нас с собой, разумеется, была, и её, наверное, в общем-то не нужно было экономить. Но раз уж представилась возможность испробовать вариант “обеда с собой” из королевств – пожалуй, стоило это сделать. Хотя бы просто для того, чтобы узнать, что именно туда положат.

Вчера я и Маша завалились спать едва ли не через полчаса после того, как покинули конюшню, потому как делать в царящей, казалось, во всем мире от края и до края темноте было решительно нечего. Не знаю, как мой рыцарь, а я вот смог заснуть далеко не сразу. И дело было даже не в плоских, твёрдых тюфяках вместо матрасов, отчаянно шуршащих при каждом движении. Просто крутящиеся в голове мысли не давали расслабиться.

Моя попытка предъявить права на баронскую вотчину отца Арна была во всех отношениях в сложившихся условиях разумным и логичным поступком, но... Было кое-что, что меня по-настоящему напрягало. А именно – то, что я был сыном Кристиана и Лилианы Бертран только биологически. Подсознание бывшего владельца тела, как я уже успел убедиться, периодически подсовывало мне подсказки, стоило только возникнуть ситуации, связанной с прошлой жизнью баронета, но полноценными воспоминаниями такая информация не была. Я вообще пока не вспомнил никаких подробностей о том, что касалось бы Арна Бертрана лично. Ни лиц родных, ни видов мест, где тот жил до поездки в Лид, вообще ничего. Даже семейного герба не вспомнил – просто нашел его по геральдическому перечню, когда узнал свою фамилию от Рахмана. Нет, я не сомневался, что я – тот самый баронет-наследник, благо титул-то я как раз смог “вспомнить”, но... Что я буду делать (и говорить) при встрече с родственниками и знакомыми – это вопрос.

Точнее, я этот аспект продумал ещё “на берегу” – до того, как срываться из республики в поездку. Мой предшественник вырвался из родных пенатов куда

подальше, сильно подозреваю, не совсем самостоятельно – что-то ведь заставило его так поступить... точнее, кто-то. И я даже подозреваю кто. Может, конечно, и не отъезд матери, но шансов на совпадение этих двух событий, как по мне, маловато. Не просто же так магесса свалила не только из королевств, а аж с континента (!), едва отец отправился в свой трагически завершившийся поход. Что-то мне подсказывает, что не стала бы Лилиана Миракийская инициировать одностороннюю процедуру развода с мужем, если бы знала, что у того мало шансов вернуться назад живым. Н-да, семейная драма налицо. Причём семейная драма, ставшая достоянием широкой общественности, раз уж Рахман про неё узнал. К сожалению, практически без подробностей. Как оказалось, благородному сообществу важен был сам редчайший факт развода среди дворян, а на причины, по большому счёту, было наплевать.

На фоне таких вот событий, подробности о которых я, возможно, ещё узнаю, уверен, будет не слишком удивительно, что вернувшийся после полугодового отсутствия наследник поведёт себя... скажем так, высокомерно и отчуждённо. Тем более в республику сбежал от семейного разлада гордый, но бедный младший сын большой дворянской семьи, а возвращается уже фактически полноценный барон верхом на боевой химере и с личным, упакованным в латы по полной программе вассалом. А то, что у меня с собой меньше тридцати золотых монет, так это на моей роже не написано... В общем, момент для возвращения в баронство для меня сейчас едва ли не идеальный, и была всего лишь одна проблема. А именно нужно за время пути или научиться, или “вспомнить” о том, как быть благородным. Не просто таскать геральдический плащ, но стать дворянином. А для этого нужно как можно плотнее взаимодействовать с окружающими людьми, влипнуть и решать различные ситуации – в общем, делать всё, чтобы получить или восстановить нужный опыт. В том числе, например, пообедать прямо в седле – чем хозяин таверны собрал.

Совершенно незначительная мелочь вроде, правда? Но Арн ведь во время своего пути из королевств в Лид тоже чем-то должен был питаться, и я как-то сомневаюсь, что он всю дорогу довольствовался сухарями и вяленным мясом. Если разговор зайдёт о чём-то подобном, я должен буду что-то ответить. Понятно, что некоторые подобные моменты могли пройти мимо внимания дворянина или забыться, но не все же скопом! А о скольких мелочах я пока даже не догадываюсь, страшно представить. Например...

– Маша, во сколько нам обошлось местное гостеприимство? – убедившись, что хозяин постоянного двора скрылся на кухне, поинтересовался я.

– Двадцать девять медных монет, – отчиталась рыцарь, не отрываясь от своей тарелки. Таскание на себе кучи металла в течение целого дня лучше всяких тренажеров сжигало энергию организма и постоянно напрягало мышцы, потому с аппетитом у девушки никогда проблем не было. Кроме того, я так и не отменил усиление обмена веществ организма дочки кузнеца, полгода назад запущенное мной посредством Печати подчинения – это тоже сказывалось на размере порций. Ушибы и ранения при нашей работе совершенно рядовое явление, и если мне помогала нивелировать получаемый ущерб собственная магия Жизни, то повысить стойкость к повреждениям у напарницы можно было только так. По крайней мере, до тех пор, пока я не овладею своей Стихией по-настоящему, а не на уровне “вкачать как можно больше силы в руку/ногу/тело и надеяться, что всё получится само”.

– Треть серебряной монеты, – машинально повторил я, успев задуматься совсем о другом. Только через пару секунд информация всё-таки достучалась до моего мозга. – Стоп. Сколько?

– Двадцать девять меди, – повторила вассал.

– Это только за комнату или...

– За отдельную большую отапливаемую комнату на ночь на втором этаже вместе с двумя тюфяками, двумя одеялами и лампадой – семнадцать монет, – скрупулезно начала на память перечислять Маша. – За ужин с мясом, железными столовыми приборами и тремя блюдами – три меди, за завтрак – три меди, аренда двух мест в конюшне – пять меди, за зерно для лошадей – еще одна монета.

Я вместо того, чтобы отправить в рот очередной кусок мяса, поднёс его к глазам, чтобы получше рассмотреть. Благо окна в общем зале присутствовали, и в них попадало достаточно света. Хмм... мясо как мясо, и пахнет всё так же вкусно. А вилка слишком массивная, немного грубоватая и с едва заметными разводами ржавчины, но чистая и в общем-то удобная.

– Как интересно... – Тщательно пережевывая “шашлык”, я опять-таки не заметил ничего подозрительного: свинина и свинина. – А в таверне в Эрсте тридцатки меди мне, пожалуй, только одному на ужин и хватило бы.

– Там зал алхимическими лампами освещён, столовые приборы из мельхиора[4 - Мельхиор – серебристый твёрдый сплав меди и никеля. Столовые приборы из него выглядят немногим хуже, чем из столового серебра, и не подвержены коррозии, в отличие от стальных.] и блюд в ужине минимум пять. – Похоже, я не один заинтересовался местным ценообразованием. – И магией неприятные запахи убраны.

И общедоступные тёплые и чистые туалеты внутри с горячей водой, – добавил про себя я. И персонала раза в три больше, даром, что из рабов – кормить-одевать их тоже надо. Как-то сомневаюсь, что тут заморачиваются хотя бы условно-белыми передниками: вон, владелец бизнеса рассекает в обычной, пусть и относительно чистой одежде.

– У меня была с собой половина серебряной монеты, когда я... ушла из дома, – глухо призналась дочка кузнеца. Раны, полученные при продаже в рабство и после, у девушки давно зажили, оставив на память лишь шрамы и хрипоту в голосе, но воспоминания о былом по-прежнему стабильно портили моему рыцарю настроение. – Соседи за ремонт металлической утвари в последние годы иногда давали мне лишнюю монету. Я оставляла себе, так и накопила... Когда я постучалась в дверь вербовщика, у меня в калите[5 - Калита – кошелек для монет в виде мешочка, подвешиваемого на пояс.] оставалось больше половины. Я за еду больше медяка никогда не отдавала. Иногда хозяева, что пускали на постой, позволяли рассчитаться работой – молот у меня при себе был. Кое-кто осесть у них в деревне после предлагал – своего кузнеца у них не было, а кузню всем миром[6 - “Всем миром” – устаревшее выражение, подразумевающее участие всех членов крестьянской общины в каком-то деле. Да, раньше “миры” были существенно меньше, ведь теперь под словом “мир”, если оно используется в значении места, а не понятия, понимают ни много, ни мало – планету.] помочь обещали поставить... Но я даже слушать не хотела.

– Зато ты сейчас оруженосец настоящего барона, а так бы до сих пор долги перед “миром” отдавала, – аккуратно напомнил я. Маша кивнула, с видимым усилием согнала тень с лица – и с удвоенным рвением накинулась на еду. А я... я же словно новым взглядом осматривал всё вокруг. Многочисленные раздражающие нестыковки между уровнем быта в королевствах и в республике

после осознания суммы затрат на по-местному шикарный ночной отдых внезапно получили своё исчерпывающее объяснение.

“Разрыв покупательской способности” – так, кажется, назывался подобный эффект на Земле. Это, например, когда гражданин какой-нибудь африканской страны, дома имеющий возможность нормально питаться, видит европейские цены на продукты и приходит в ужас. Хотя казалось бы: тут хлеб и там хлеб, тут мясо и там мясо. Только после этого до некоторых доходит, что европейские зарплаты кажутся заоблачными только тем, кто пересчитывает их на свою местную валюту, сидя дома. И дело не в том, что продавцы, зная возможности своих покупателей, подрисовывают на ценники лишние нолики – хотя и без этого тоже не обходится. Просто цена за что-то на полке, грубо говоря, включает в себя цену самой полки. Аренда и обслуживание недвижимости, гарантированные санитарные нормы, логистика и доступность товаров и услуг – всё это имеет свою цену, и за всё это платит в итоге конечный потребитель. Если ему, конечно, есть чем платить. А если нет... то и получится то, что я наблюдаю сейчас вокруг.

Республика заставляет своих граждан поддерживать определённый уровень жизни, одновременно поддерживая высокие заработки среди подтверждённых профессионалов и задавая как напрямую, так и косвенно высокий уровень трат. Лид может себе это позволить: высокодоходный экспорт и девять десятых любого труда выполняют бесправные, не требующие зарплат и социальных гарантий рабы. В противовес королевства никак, судя по всему, не контролируют уровень жизни подданных, позволяя финансам самостоятельно перераспределяться между кошельками бедных и богатых, черни и благородных. В итоге, похоже, эффект получается такой же: девяносто процентов золота в карманах у десяти процентов населения. Только суммарный объём этого золота на каждую монархию, по моей прикидке, раз так в десять ниже, чем у республики. Вот и получается то, что получается.

Тот же трактирщик, уверен, и рад бы поставить амулеты от запаха и алхимлампы в зал, ну или хотя бы свечи вместо уродских горелок-коптилок, да только где ему на это средства взять? Или тот же сортир облагородить? Но даже если он изыщет средства – подобное вложение средств никогда не окупится. Вот и царит в королевствах средневековье, хотя уровень развития магии, науки и алхимии давно уже позволяет построить жизнь на уровне уж точно не ниже середины двадцатого века на Земле. Видать, подобное никому оказалось не нужно, кроме горстки повелителей Жизни, решивших по случаю планового

захвата себе необходимой территории заодно забавать эту Идеальную Страну.

М-да-а-а. Экономист и финансовый аналитик из меня тот ещё – но я всё-таки тоже кое-что запомнил из институтского курса экономики. И это “кое-что” мне подсказывает: главное я понял правильно. Кажется, я теперь гораздо лучше себе представляю то, что мне предстоит увидеть по дороге в баронство... и в самом баронстве тоже, к сожалению. Отчего на первый план теперь выходит другой вопрос: если я прав насчёт суммарной денежной массы, смогу ли я из своего положения баронета-наследника извлечь нужную сумму прибыли? Чёрт, моё и так не самое простое мероприятие только что стало ещё сложнее... но всё ещё осталось существенно легче бодания лоб в лоб с гидрой.

2

Королевский тракт Балота в отличие от второстепенной дороги на Лид не вызывал мучительных раздумий на тему, что же будет проще: насыпать нормальное покрытие или, наоборот, вырыть на этом месте судоходный канал. Разумеется, никакого мощения или хотя бы насыпи с отводными канавами по бокам и близко не было, но утрамбованный до каменной плотности грунт и сам по себе стойко держал удары судьбы. Если идти пешком и смотреть под ноги, можно было даже не изгваздаться по колено.

Я, вообще, слышал, что новые поселения обычно возникают на транспортных артериях, а дороги, наоборот, обычно прокладывают от одного населенного пункта к другому – но, видимо, Кривые Рожки основал кто-то, с этой логикой не знакомый. Либо была ещё какая-то причина, уж не знаю, может, та самая пресловутая речка-переплюйка, но до одной из основных дорог королевства химерам пришлось везти нас ещё добрых пятнадцать минут. Тут-то и выяснилось, почему у трактирщика хватило времени крутиться вокруг нас: просто все остальные уже успели собраться и уехать.

Следопыт из меня, конечно, не самый лучший за полгода рейдов получился, но отличить свежие конские следы и колеи от колёс повозок в грязи от вчерашних я смог без труда. И даже примерно определить время, когда их оставили: где-то

за два, а то и за три часа до нас. Не иначе как с первым лучом рассвета постояльцы снялись, а то и вообще по темноте, видимо, спеша пройти максимум расстояния за короткий зимний световой день. И только мажоры вроде меня и Маши могли себе позволить никуда не торопиться, но таких, кроме нас, в Рожках как-то и не нашлось.

Впрочем, всю эфемерность проигрыша во времени я осознал, стоило только добраться до тракта и пустить химер аллюром. Сначала за спиной остались плетущиеся со скоростью пешехода крестьянские подводы, а потом настал черёд и всадников. И это мы не разгонялись, а шли экономичным, “крейсерским” ходом для тяжело гружёной Милки! Вот уж, воистину, повторю ещё раз: всё познаётся в сравнении. Разумеется, я всю крутил головой, разглядывая новые для себя места. Уделил внимание и людям: наконец-то их можно было рассмотреть, не пытаясь сломать глаза в свете тусклых масляных коптилок. Впрочем, после утреннего озарения я лишь каждый раз находил подтверждение своим выводам.

Вообще, надо сказать, тракт отнюдь не пустовал. Крестьяне двигались по нему в обе стороны и даже соблюдали некое подобие правил уличного движения, прижимая свои неуклюжие телеги к правой по ходу обочине. Съездов с тракта разной степени накатанности и расхлябанности в обе стороны хватало, потому после “наших” подвод мы стали обгонять повозки, вышедшие на трассу явно из других мест. Центр дороги, видимо, выделялся именно для таких быстроходов, как я и моя спутница: другие верховые, услышав стук копыт химер за спиной, споро оттягивались в стороны, причём вне зависимости от наличия или отсутствия дворянского плаща за спиной. А поймав мой или Машин взгляд, ещё и кланялись: кто посильнее – привстав на стременах, кто – просто наклоняя голову. Что ж, не вижу ничего удивительного, что правило “по одежке встречают” действует во всех мирах.

Кстати, об одежде. Пусть мы не останавливались и даже не притормаживали химер, но даже мимолётного взгляда хватало, чтобы понять: контраст с тем, что носили в республике, был разительным. Особенно это касалось тех, кто сопровождал телеги: крестьян и, возможно, ремесленников. Цвет их вещей, по большому счёту, был только один: серый разных оттенков. Ткань даже издали выглядела грубой, а если касаться фасона, то все вещи словно пошил один и тот же портной: типовые рубахи и штаны. Кое-кто щеголял в жилетах из овчины мехом наружу (обычно счастливые обладатели безрукавок сидели на облучках

повозок), некоторые дополняли свой наряд овечьими же шапками, остальные защищались от холода или явно вручную связанными вещами из всё той же некрашеной серой шерстяной нити, либо вообще войлоком. Кстати сказать, отдельные войлочные шмотки на Земле смело могли бы тащить в модный бутик на продажу – что-то подобное я осенью и зимой замечал на московских модницах. К большому горю местных пейзажей, здешней цивилизации до высокой оценки “полностью ручного производства, 100 % экологичности сырья” было ещё расти и расти...

Более-менее цветными пятнами выделялись всадники. Хотя тёмно-синие геральдические плащи некоторых дворян знавали лучшие времена настолько давно, что характерные контуры и цвет болтающейся за спиной бесформенной тряпки нужно было ещё постараться угадать. Зато практически все, кто передвигался верхами, были в той или иной мере открыто вооружены, хотя такого арсенала, что мы с Машей навесили на Милку, ни у кого и близко не было. Обычно ограничивались подвешенной к поясу шпагой или саблей, некоторые седоки везли притороченный за спину или к седлу разряженный арбалет. Один мужик в грязно-зелёных шмотках (этот, кстати, плащ не носил) привлёк моё внимание тем, что вёз объёмистый тул со стрелами и лук, но тоже со спущенной тетивой.

Встречных и попутчиков разглядывать оказалось достаточно интересно, вот только останавливаться или уж тем более заводить какие-то там разговоры у меня не было никакого желания. Помня, как на меня практически на ровном месте чуть не напал только что приехавший в Нессарию дворянчик, я не очень понимал, чего ждать от тех, кто освобождал нам дорогу. Правда, тогда я был без плаща и оружия, и за мной не возвышалась бронированная башня личного рыцаря верхом на боевой химере, но всё равно испытывать судьбу на ровном месте почему-то не особенно хотелось. А если чего и хотелось, то только поесть. Увы, но и с этим тоже было не всё гладко.

Погода начала портиться с самого утра: небо заполонили тучи, а ближе к обеду облачность и вовсе превратилась в один сплошной низкий серый мрачный потолок. Ветер, задувший резкими порывами, вскоре начал всё чаще бросать в лицо пригоршню то дождевых капель, то липких мокрых снежных хлопьев. Совсем не та обстановка, в которой посещает желание ненадолго остановиться и устроить привал. Можно было, конечно, сбросить скорость и действительно поесть с седла, как я и планировал, вот только удовольствие это даже в

хорошую погоду сильно ниже среднего, а сейчас и вовсе... Нет, если бы вопрос стоял о жизни и смерти или хотя бы о соблюдении сроков, то я, несомненно, потерпел бы. Но сейчас ситуация сложилась в каком-то смысле даже обратной: крыша над головой и прилегающая к ней приятная либо не очень компания нужны мне не меньше, а может быть, даже больше еды. Если уж влипнуть во что-то неприятное по незнанию, то лучше там, где у потенциальных противников не будет за спиной городской стражи или половины дворянского квартала дружков.

Приняв решение сделать днёвку, совмещённую с обедом, я начал с ожиданием вглядываться в каждый поворот дороги: по моим расчетам, мы уже должны были вот-вот наткнуться на одну из отмеченных на карте деревень. Ну или хотя бы на отдельно стоящую таверну – должны же быть и в этом мире придорожные гостиницы, так ведь? Однако время шло, химеры несли нас вперед, путники продолжали оставаться за спиной, а тракт как рассекал дикие на вид перелески и редкие, явно естественного происхождения луга, так и продолжал рассекать. И ни единого признака жилья. После того как мы с ходу проскочили собранный из массивных, уже порядком разбитых копытами брёвен мост в несколько пролётов через довольно широкую речушку, я решительно натянул поводья и полез за атласом.

Эту водную преграду картоделы всё-таки соизволили нанести, позволив мне сразу установить наше текущее местоположение... и выругаться сквозь зубы! Пять, нет шесть – шесть! – придорожных деревень мы уже, оказывается, миновали. Не иначе как невидимых, потому что иначе мы их никак не могли пропустить. Кроме того, на чёртовом тракте, даром что королевском, напрочь отсутствовали не только дорожные столбы – вообще хоть какие-то указатели! Хотя... ну-ка, стоп. Я пригляделся к отметке Кривых Рожков, нарисованных жирной точкой сбоку от дороги, потом нашёл глазами остальные населённые пункты. Толстенькие кружки, обозначавшие их, закрывали собой край схематичной отметки тракта, но закрывали не серединой – боком. Эти криворукие уроды что, таким образом хотели намекнуть, что сёла расположены тоже в стороне от торного пути? Вот... у меня даже приличных слов нет!

– Маша, – сдерживая так и рвущиеся под порывы ветра с языка эпитеты, решил уточнить я. – У вас дорога ведь проходила через центр деревни, я правильно запомнил?

– Да. – До спутницы тоже стало доходить, что с королевским трактом что-то не так.

– Понятно. – Понятно мне не было, но мозги вместо какой-нибудь умной мысли настойчиво советовали не стоять на ветру, а валить уже куда-нибудь в тепло и там пожрать... И потом уже подумать над несовершенством мироздания. – Тогда на следующем повороте...

Я опять практически упёрся в карту носом, пытаюсь понять, в какую сторону от дороги смещён центр кружка следующей деревни.

– ...направо.

Чёрт. В каком там королевстве расположена эта самая “гильдия картографов”? Что-то мне уже захотелось наведаться к ним в гости. С горящим факелом в руках!

* * *

Деревню я всё-таки почувствовал раньше, чем увидел. Пусть на несколько секунд, но раньше. Носом. Запах дыма, ну и навоза, разумеется, куда ж без него. И только потом из сплошной стены валящего с неба снега проступил контур ворот. Открытых, к счастью.

На самом деле по-настоящему густой снегопад начался уже тогда, когда мы минут десять пробирались по боковой дороге, свернув с тракта направо. Поначалу широкая и столь же грязная, как та, что вела к Кривым Рожкам, эта, с позволения сказать, транспортная артерия постепенно ужалась практически до состояния лесной тропы, где телега в одну сторону только с трудом проедет. Разумеется, у меня возникло подозрение, что мы выбрали не тот съезд – ведь указателей не было по-прежнему. Тем не менее, я решил проехать ещё немного, потом ещё... а потом небеса словно разверзлись, разом вывалив вниз весь свой накопленный снег. К счастью, мы всё-таки пришли именно туда, куда хотели.

Внутри постоянного двора я скорее ввалился, чем вошёл: благодаря магии Жизни простуда мне не грозила, но находиться на улице в местах (не будем уточнять) промокшей насквозь одежде было практически пыткой. К счастью,

конструкторская мысль местного гостиничного воротилы самостоятельно или с чьей-то помощью дошла до такой полезной вещи, как коновязь, над которой некая добрая душа соорудила навес, где химер можно было просто оставить, чисто символически привязав. И скорее в тепло-о-о-о!

– Вино. Горячее! Есть? – Кажется, я теперь знаю, откуда растут ноги у знаменитого дворянского хамства. И раскидывания деньгами не глядя – тоже. Если такие вот поездки для многих из них обычное дело, совсем не удивительно, что вежливость вскоре куда-то теряется. Я сходу направился к подобию конторки, за которой скучал тучный мужик в практически белой рубашке с каким-то простеньким орнаментом на отложном воротнике, и прежде, чем тот успел что-либо ответить, звучно приложил серебряным кругляшом о доску. – И еды, тоже горячей. Но сначала вина!

Когда глаза привыкли к полумраку (чёртова мокрая метель сделала из середины дня глубокий вечер), я наконец смог осмотреться и оценил, куда в этот раз попал. А местечко-то, кажется, более прогрессивное, чем двор пресловутых Рожков: доски стен не тёмно-серые, а белёные, даже потолок всего лишь умеренно закопчён. С балок свисает штук шесть косиц из трав и овощей, и даже есть нечто вроде украшений – всё тот же простой орнамент, намалёванный на стенах чуть выше человеческого роста. А вот с посетителями было негусто. Точнее, кроме нас, их не было вообще.

– Вино, ваше благородие! – Трактирщик, выполняя мой заказ, передвигался по своему заведению исключительно рысью. Наверное, и бегом бы побежал, если бы не боялся расплескать напиток.

– Даже в бокалах, – не смог я сдержать своего удивления, принимая довольно изящную керамическую емкость. Пожалуй, даже не просто керамическую, а натурально фарфоровую!

– Всё лучшее для наших дорогих гостей! – Мужик очень старался, но заверение получилось у него всё равно слегка фальшиво. Хотя не сказать, чтобы он был совсем нам не рад: серебряный кругляш, видать, очень успешно справлялся с плохим настроением. – Еда будет – и четверти часа не пройдет.

– Верю. – Горячий напиток, в который не забыли даже добавить пряности, мягко скатился по пищеводу и словно зажег маленькую печку в моём желудке: ни один чай на такое не способен... Ох, а ведь про вино я выдал даже не задумываясь, то ли на стереотипах, то ли получив подсказку от подсознания баронета.

– Что-нибудь ещё, благородные господа? – Трактирщик явно не собирался от нас просто так отходить. Только вот про “господ” он зря ляпнул: Маша булькнула своим вином и нехорошо на него посмотрела.

– Да мы вообще-то просто пообедать заехали... – вслед за спутницей поморщился я, но уже по другой причине: снегопад и не думал прекращаться. Наоборот, кажется, ещё сильнее погустел, хотя, казалось бы, уже дальше некуда. Получается, что и торопиться смысла нет: ведь всё выпавшее сейчас растает, и возвращение к тракту рискует превратиться в заплыв... – Лучше расскажи, почему у вас тут ни одной деревни рядом с королевской дорогой нет. В наших краях не так.

– Господа с севера? – неожиданно прозорливо догадался мужик, теперь уже меня заставив булькнуть вином. – Тогда я расскажу, откуда такое отличие. Ваши армии не ходят по дорогам. А чужие вообще не ходят.

– То есть как это?! – почему-то оскорбилась Маша. – Я сам... сам видел, как ходят!

Да, мы перед путешествием договорились, что мой вассал продолжит говорить о себе в мужском роде и дальше. Соглашусь, шутка несколько затянулась, но даже дочка кузнеца была вынуждена согласиться, что легче так, чем объяснять, почему выглядящий как юноша рыцарь говорит о себе хриплым и совсем не женственным голосом в женском роде. Увы, залечить повреждённые перед продажей в рабство и успевшие давно зажить голосовые связки регенерация Печати подчинения не смогла. Цена же столь тонкой работы, как восстановление голоса у квалифицированного республиканского врача в ранге подтверждённого мага Жизни стоила столь неприлично много, что я об этом пока даже думать не мог.

– Вы видели мобильные отряды, а не всю армию на марше разом, верно? – тем временем гостиничный бизнесмен демонстрировал свою чуть ли не энциклопедическую по местным меркам образованность. – Это потому, что если

пришлось армию отправлять к валу Шрама, то она сразу развёрнутая в боевые порядки пойдёт. Иначе могут выкосить её всю, в полевом-то построении.

– А ты неплохо в этом разбираешься. – Мне пришлось сделать усилие, чтобы и в этот раз “тыкнуть” человеку, неожиданно оказавшемуся несколько умнее, чем можно было бы предположить. Увы, в отличие от Лида вежливость в королевствах была в чести только в отношении к вышестоящим. А если выкнуть равному, если верить рыцарским романам, то можно и вызов на поединок схлопотать. Причём почему-то за неуважение...

– Отец двадцать пять лет ходил строем, вернулся сержантом, – с законной гордостью сообщил мужчина. – Он и рассказал. Это у Шрама, особенно у Горловины, у всех людей один враг... кое-где говорят, что и у всех разумных. А чуть на юг, как у нас, так между их величествами уже и дразги иногда происходят изволят. И вот наш светлейший монарх вынужден выслать к границе армию, дабы вразумить соседа, либо сосед решил нагло вторгнуться на территорию. Идут полки, солдатикам-то есть хочется, а офицерам – и ещё чего. И если впереди деревня – марш не замедлят, да только ни одной коровы да свиньи не останется... да и баб красивых тоже.

– Однако... – Меня это здоровое, бесхитростное и при этом по-местному предельно политкорректное объяснение немедленно убедило. А местные монархи – ещё большие идиоты, чем я думал... Впрочем, у них, скорее всего, просто тоже особого выбора нет. С волками жить – по-волчьи выть. А что торговля несёт убытки, и деревни, которые на ней подняться могут, тоже ни хрена не развиваются – всем наплевать. – И подъездные дороги тоже потому в таком состоянии, что только шагом лошадь и пройдёт?

В ответ сын сержанта только развёл руками: мол, ты всё правильно понял.

– И часто у вас... движение армий случается? – решил для общего развития уточнить я.

– Да раз в пять лет точно, – подумав, пожал плечами трактирщик. – Чаше-то оно реже. Армию двигать – оно ведь тоже денег стоит...

“...Особенно когда фураж по мере движения с крестьян не собрать”, – без особого труда “расслышал” я недостающую часть фразы.

– Как вы при таких делах не прогораете только, – в ответ невольно вырвалось у меня. Купцы что – они-то, особенно крупные, наверняка в курсе царственных телодвижений. Кто подмазал кого надо, а кому и сами власть предержавшие, имеющие долю с доходов за “крышу”, говорят. Хотя, скорее всего, и торговцы тоже время от времени попадают под раздачу. А вот крестьяне, тащащие свои повозки по тракту навстречу неизвестности, вообще настоящий подвиг совершают. Им-то неоткуда знать, кто движется по тракту навстречу.

– Да все привыкли уже давно. – На мгновение настоящие чувства селянина прорвались наружу, но он тут же взял эмоции под контроль. – Каждый трактирщик по-своему приспособился. Вот я больше с односельчанами работаю... хотя и гостям очень рад!

– Получается, зажиточное у вас селение-то, – я не забыл своих размышлений, и потому после всей полученной информации сделал напрашивающийся вывод. Если они такое, вполне приличное вино “для своих” держат, то уж точно не бедствуют.

– Да уж получше живем, чем соседи. – А вот теперь владелец таверны даже не стал пытаться сдержать самодовольство. – Знать, посуда из Белой Лепки по всему Балоту расходуется, да и по соседним королевствам! Сам король наш – да продлятся годы его правления справедливого, – говорят, с такой иногда ест, когда серебро-золото надоедает! Нигде окрест таких нет – ни глины, ни гончаров, ни мазил.

Ага, вот теперь мне действительно всё ясно. В том числе и причина отсутствия других посетителей: из-за расположения селений относительно тракта просто так зайти и перекусить по дороге мало кто может. Это для химер изобразить из себя внедорожник – раз плюнуть, а обычной лошади, я уже не говорю про обременённую телегой – совсем нет. Потому идущие по королевской дороге сойдут с неё только ближе к вечеру, чтобы успеть до темноты расположиться на ночлег. А местные сейчас тупо работают: делать посуду – занятие не сезонное, но требует хорошего освещения, особенно на некоторых этапах вроде росписи. В такой ситуации упускать короткое светлое время суток и вовсе преступно... Ага, а трактирщик так и застрял у нашего стола, хоть и оглядывается всё чаще на дверь в кухню, откуда определено потянуло чем-то вкусным. Кстати, посторонних запахов в заведении нет, и, думаю, тут дело не в амулетах. Скорее, в регулярной уборке и нормальной вентиляции.

– Тебя что-то... интересует? – по очереди проглотив “от нас надо?” и привычное республиканское “уважаемый”, прямо спросил я.

– Вы ведь с границы едете? От самого Шрама? – прямо-таки с какой-то жадностью спросил владелец гостиницы.

– Угадал, – переглянувшись с Машей, не стал открещиваться от чистой правды я.

– Благородные господа, а... расскажите, как там? – Боже. Взрослый, неглупый (иначе бы давно разорился) и по-здравому циничный мужик смотрел на меня и моего рыцаря глазами, больше подходящими восторженному подростку.

– Холодно, сыро и опасно, – против воли вспомнив обстоятельства встречи с гидрой, передёрнул плечами я. Судя по тому, что Мариша уткнулась в свой бокал, ей тоже ничего приятного память не преподнесла.

– А твари? Ну, чудовища? – Внутренний пацан трактирщика никак не хотел униматься.

– Да куда уж без них... – Я поморщился, не желая распространяться о подробностях в общем-то довольно скучной и рутинной, если оставить за скобками постоянный риск, работы охотником. Тем более что нас, кажется, приняли за гвардейцев одного из пограничных полков северных королевств, в задачу которых входила защита от тварей населения, а не превентивное уничтожение пересекающих вал измененных. Этим рисковали заниматься только боевые группы Белых да рубежники. Причем вторые скорее вынужденно: в районе Горловины Шрама километровой высоты вал многокилометрового ударного кратера по какой-то причине прерывался, и твари могли проходить на человеческие земли без всяких проблем...

...Пауза затягивалась, мужик, ответственный за нашу еду, продолжал пялиться на нас восторженным взглядом (не иначе как приняв молчание за редкостную суровость), и потому я не сдержался. Хочет баек про магических мутантов? Их есть у меня!

– Вот недавно, и двух месяцев не прошло, завалили нарийского тигра, – словно нехотя признался я, заставив дочку кузнеца удивлённо вскинуть брови. Однако наконец-то услышавший, что хотел, трактирщик ничего не заметил.

– Ух ты! – Мужик явно проникся. – И много народу полегло?!

– В этот раз обошлось... без необратимых последствий, – веско припечатал я. – Мы же всё-таки профессионалы.

– Да ну? – Вряд ли владелец гостиничного бизнеса досконально разбирался в мутантах, тем не менее он закономерно усомнился в правдивости моего рассказа. Было почему: несколько кошек-переростков, однажды одновременно пересекших вал Шрама примерно в одном месте, полностью уничтожили население целой страны за трое суток! Собственно, это и было королевство Нария, чье название “по наследству” приклеилось к новой на тот момент разновидности чудовищ.

Справиться с одиночным тигром, в принципе, было по силам и обычным людям: всего лишь требовалось создать достаточную плотность огня... из осадных стреломётов, потому что обычные болты и стрелы от его шкуры просто отскакивали. Вторым вариантом было умудриться облить ловкую и крайне быструю тварь адгезивной огнесмесью вроде напалма. Или желеобразной кислотой вроде той, которой в меня плевалась гидра. Только сделать это нужно было два раза подряд, потому что в первый раз тигр просто избавлялся от огня, оперативно сбрасывая шерсть. Понятно: проделать подобное без потерь было практически невозможно. И наличие магов в рядах поддержки пехоты либо метателей у офицеров зачастую сильно не помогало: порождения Шрама, сами пропитанные дикой Силой, к нефизическим поражающим факторам часто показывали ещё большую стойкость, чем к ударам обычным оружием.

– Ну да. – Я дождался, пока выражение скепсиса окончательно сформируется на лице мужчины... и достал из кармана свёрток. Как знал, что пригодится. Вообще я планировал подарить кое-кому из возможных конкурентов за наследство сувенир с намёком, но ладно, для демонстрации тоже сойдёт. Развернув слою мягкой ткани, я взял в руку изогнутый, с рабочего конца игольной остроты коготь. Размер у “коготка” был такой, что его можно без особой натяжки использовать вместо стилета. На глазах так и прикипевшего к трофею зрителя я картинно провёл остриём по бокалу, вызвав мелодичный перелив... и пустив тонкую стружку. – Теперь веришь?

Пожалуй, я ещё никогда не видел у человека таких больших глаз! Так, а вот сейчас пора напомнить насчёт нашей еды.

* * *

Пожалуй, теперь я намного лучше понимал, насколько сильно простой люд королевств, не обременённый плащами и гербами, на самом деле уважает тех, кто реально стоит между ними и тварями. Уважает, любит, преклоняется – и готов чуть ли не в лепёшку расшибиться, чтобы хоть в малом оказаться полезным, помочь. Может, дальше на юг ситуация и меняется, но тут, уже на относительно безопасном удалении от вала, даже малая толика народных восторгов, выпавшая мне и Маше после демонстрации когтя тигра, едва ли не захлестнула нас с головой.

О, никто не лез с разговорами, не просил рассказать “историю про чудовищ” – просто люди поодиночке и семьями заходили в таверну, чинно рассаживались... и старались не особо сильно пялиться и не переходить с шёпота на обсуждение героев в голос. Кроме маленьких детей – этим-то точно никто был не указ, но их до нас деликатно не допускали. Трактирщик за сегодня, подозреваю, мог бы месячную выручку на одном пиве поднять, но, судя по паре долетевших до меня реплик, дешёвый некрепкий алкоголь наливал посетителям за так. Видно, решил не наживаться на односельчанах по такому случаю. А ещё жители Белой Лепки, наверное, произнесли рекордное количество славословий на редкость дурной даже для местной зимы погоде: снегопад, то и дело переходящий в дождь и назад, упорно отказывался униматься. Когда и без того не слишком светлое серое пятно ближайшего окна стало уверенно темнеть, я понял, что мы отсюда до завтра точно не выберемся. С другой стороны, нет худа без добра. Тем более что гостиничный воротила явно расстарался для дорогих гостей сделать ужин особенно вкусным. И надо сказать, у него получилось.

– К нам в село дважды заезжал паладин Белых со свитой, – искоса оглядывая уже практически до отказа забитый общий зал, шёпотом сообщила мне спутница. – Помню, мы с ребятами бегали смотреть... Отец мне строго-настрога запретил заходить в корчму и за каждое нарушение слова порол, но что такое три дня спать на животе против живого рыцаря Света! И я даже представить себе не могла, что окажусь на его месте... так быстро. – Девушка запнулась и замолчала, потому за неё закончил я.

– Да не стесняйся ты, плох тот солдат, что не мечтает стать генералом.
Здоровые амбиции – это нормально.

– Мне почему-то стыдно. – Маша ещё раз украдкой осмотрела зал и поёжилась. –
Словно я присвоила чужую славу... Что на меня они так смотрят по ошибке...
Особенно дети!

– Но ты ничего не присвоила, – покачал головой я и невесело улыбнулся. –
Просто для тебя то, что для них подвиг – рутина. Опасная, но привычная работа.
Уверен, тот паладин тоже так считал.

На самом деле мне тоже в какой-то момент изрядно стало не по себе ото всех
этих взглядов. Я ведь тоже, смотря на собравшихся крестьян и ремесленников,
мысленно сравнивал их с собой и не мог не отметить – среди них людей более
физически сильных, чем я, как бы не половина. Хотя бы просто из-за мышечной
массы. Деревня – это много тяжёлого физического труда с детства: такие
нагрузки даром не проходят – отражаются на телосложении. У меня есть моя
Стихия, но иному сельскому мужику, способному при желании махать оглоблей,
как тростинкой, магическое усиление не особо нужно. А если навалятся на тварь
скопом...

Так почему вовремя не перехваченные изменённые наносят такой сильный урон
не только мирным пейзажам, но и профессиональным военным? Я-то справляюсь,
и мой вассал – такая же деревенская девочка – справляется. И, главное,
справляются как-то обычные охотники-новички, которым не повезло
предварительно прожить половину жизни и приобрести какой-никакой, но опыт
как планирования, так и командования, и которые, по сути, были самыми
обычными людьми. Впрочем, стоило мне только задуматься, как я сразу нашёл
ответ на свой вопрос.

Дело в Печати. Нет, не в гражданской, хотя повышенную скорость заживления
ран и общую устойчивость к травмам списывать со счетов тоже не нужно.
Гораздо важнее та Печать, что на рабах. Казалось бы, что может кардинально
изменить в тех же вчерашних крестьянах невозможность уклониться от боя или
отступить без приказа? Однако когда человек сражается без оглядки на
сохранение собственной жизни, но искренне (благодаря чудовищной и
гениальной одновременно разработке повелителей Жизни) пытаюсь показать

максимальную эффективность, результат становится сильно другим. Ну и не стоит забывать, что “мясо” всё-таки учат перед тем, как продать, и учат те, кто сами прошли через горнило профессии добытчика запчастей от монстров. И что самим охотникам вполне свободно доступна вся информация о базовых противниках, включая перечень уязвимых мест.

Да, новички щедро платят чужой кровью за победы. Но ключевое слово здесь – “чужой”. Именно обученное и дешёвое “мясо”, не умеющее отступать и до последнего защищающее владельца ценой своих жизней, позволяет начинающим охотникам очень быстро накапливать собственный бесценный практический опыт противостояния мутантам. Подобную процедуру обучения кадров (когда будущие истребители тварей сражаются нужное количество раз под достаточно надёжной защитой против настоящих противников), кроме республиканцев, относительно массово могут позволить себе, пожалуй, только Белые. Но именно что относительно: монастыри, из стен которых одарённые Светом выходят рыцарями-клириками в белых плащах, доход головной организации приносят лишь косвенно. Даже если есть склонность к нужной Стихии, обучать Белые ещё и не каждого возьмутся... если за счет Церкви. А вот за свой счёт в рыцари Света (не в паладины, разумеется) можно и без одарённости попасть – только плати и хорошо учись. Недаром белоплащников после десяти-пятнадцати лет беспорочной службы спокойно отпускают на гражданку, как ту героиню из любимого Машкиного рыцарского романа... Для остальных же подготовка противомонстровых команд выливается в такие деньги, что каждый специально подготовленный и снаряжённый егерь, рыцарь или гвардеец выходит буквально на вес золота. А это значит – их таких в каждом королевстве по пальцам пересчитать. Ведь с точки зрения стандартного здешнего монарха дешевле пару сотен подданных под клыками и копытами забредшего чудовища время от времени потерять, чем лишних “золотых” солдат в резерве содержать.

Нет, конечно, среди обычных солдат есть и такие, которым повезло несколько раз подряд уцелеть в столкновениях и получить свой опыт там, где их товарищи погибли. И не сломаться при этом. Обычно подобным могут похвастаться некоторые пограничные части, попасть куда для рекрута немногим лучше, чем сразу на каторгу или под топор палача. Есть ещё крестьяне, живущие в непосредственной близости от вала – по сути такие же заложники ситуации и аварийный буфер на случай массового вторжения мутантов, как эльфы в Лиде. Они тоже волей-неволей знают, как уничтожать порождения Шрама, и играют свою роль в обеспечении безопасности основных человеческих территорий. Но таким людям самостоятельно передвигаться по дорогам или не светит совсем,

или они это будут делать, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания – по вполне понятным причинам. Вот и чувствует простой люд именно тех немногих защитников, которых может встретить около своего дома, и которых может опознать. Типа нас с Машей. Что ж, как я и сказал своей спутнице – заслуженно же...

Кстати, о чествовании. Пиво у нашего трактирщика хоть и слабое, но ведь всё равно алкогольное. И, что важнее, выдается на халяву. Вот и голоса уже громче зазвучали, и народ явно слегка расслабился. Ещё немного – и сословные предрассудки перестанут мешать общению. Отличный момент, чтобы “пойти в народ”. Мне ведь в моём манере придётся общаться не только с равными дворянами, будут и простолюдины. И если я правильно понимаю, вполне возможно, мне придётся довольно много с ними пообщаться – по крайней мере, некоторое время. Вот и узнаю о том, чем сейчас в королевствах живёт и дышит деревня. Ну и о взгляде на благородных со стороны неплохо узнать. А если что – так я и лишнюю бочку пива у гостиничного воротилы выкупить смогу...

3

“И декабристы пошли в народ”. Незнамо как и когда (но явно на Земле) услышанная фраза всплыла из глубин подсознания и никак не желала забываться вновь. И ведь даже на похмелье не спишешь. Вот чего не было, того не было. Кстати, о тенденции решать чуть ли не любую проблему добычи информации через спаивание собеседников, пожалуй, задуматься тоже стоило. А то, чувствую, мои настойчивые попытки внушить Маше мысли о вреде хмельного сильно теряют в убедительности после каждой такой вот... гм, акции. Можно, конечно, воспользоваться Печатью подчинения и просто на фиг запретить своему рыцарю прикасаться к спиртосодержащим жидкостям, но... Боюсь, другие дворяне, особенно успевшие заложить за воротник, не оценят подобного пренебрежения со стороны носителя синего плаща. А там и до дуэли на пустом месте недалеко.

На самом деле, “хождение в народ” получилось на редкость успешным. Правда, мне всё-таки пришлось раскошелиться на дополнительную бочку пива... а потом ещё и вина – без этого сословная граница никак не хотела сдавать позиции.

Однако как оказалось, одно дело “халява” от своего, соседа и для многих друга-приятеля трактирщика (который, сволочь, обязательно запомнит, кто, сколько и чего употребил!), и другое – воспользоваться щедростью залётного и, самое главное, совершенно чужого баронета. Не будь демонстрации с когтем нарийца, к моему широкому жесту отнеслись бы с подозрением: у благородных масса “достоинств”, но безграничная (в пределах пары золотых) благосклонность к черни – про такое даже в сказках не рассказывают. Другое дело, когда вырвавшиеся из-под постоянной опасности приграничного региона гвардеец и его оруженосец решают как следует расслабиться в кругу искренне ими восхищающихся людей. Ну, простолюдинов, и что? От своего круга ещё попробуй это восхищение получи, даже если и заслуживаешь. Опять же, служба у вала Шрама как-то очень быстро учит даже самых спесивых идиотов, что люди на самом деле делятся не по происхождению, а по наличию либо отсутствию полного комплекта конечностей и ливера...

Ветеранов службы в королевской армии среди заглянувших на огонёк жителей Белой Лепки, к счастью, не было. Иначе бы могли возникнуть разные вопросы – я-то ни ухом ни рылом в местных армейских порядках... был. Потому что крестьяне и ремесленники, через вторые-третьи и далее руки наслушавшись историй об армейских порядках, с удовольствием мне о них порассказали. Особое воодушевление местные в этом вопросе испытывали от того, что их от рекрутской повинности огородил лично здешний герцог, в чьём прямом подчинении находилась деревня мастеров. Процентом пятьдесят услышанного, конечно, сразу можно было отметить как выдумки и своеобразные при “испорченном телефоне” искажения информации, а вот остальное звучало вполне правдоподобно и даже чем-то перекликалось с теми немногими историческими книгами, что я прочёл в родном мире. Но основной “улов”, конечно, был в другом. “Взгляд снизу” на благородных я получил в самом полном объёме. И на структуру организации крестьянского хозяйствования в королевствах тоже.

Стоит сразу сказать о системе территориального управления в местных монархиях. Это важно, поскольку я, собираясь в своё баронство, умудрился оставить этот вопрос практически без внимания. А он, между прочим, был для получения наследства ключевым. Всё-таки полгода жизни в Лиде с его чётко расписанными и неукоснительно действующими законами, и потраченные к тому же преимущественно на добычу и разделку измененных животных, для меня не прошли даром. Или дело в том, что в России я период, когда любую

коммерческую деятельность нужно было предварять разном известными сумм по кабинетам чиновников, толком в своей работе и не застал? В общем, я знал, что у королевских канцелярий есть специальные чиновники, занимающиеся в том числе и вопросами наследства (в рыцарских романах они иногда мельком фигурировали), и, собственно, этим моя подготовка в данном вопросе ограничилась. И где, скажите на милость, были мои мозги? М-да....

Итак, чиновники у короля действительно имелись. Вот только эти типы служили исключительно ходячими чернильницами. Интерфейсом, если так можно сказать, взаимодействия с канцелярией монарха. В их рядах даже “просто” дворян никогда не было, исключительно специально обученная, как правило, городского происхождения чернь. Чиновники фактически переписывали принятое местной властью решение – и передавали вверх, дабы правитель пребывал хоть насколько-нибудь в курсе реального положения дел на своей территории. Что за местная власть? Так феодалы же. Наделённые самим королём или одним из его предков земельным наделом благородные.

Как и в моём родном мире не так уж давно, земля в здешних миниатюрных странах целиком и полностью принадлежала монарху... ну, в теории. По факту правитель в короне прямо распоряжался территорией в три-четыре баронства, а остальные такие же куски распределялись между герцогами. Герцоги тоже напрямую распоряжались не всем своим манором, а делегировали большую часть территорий под управление баронам. Причём младших вассалов старшим назначал тоже король, а дело герцога было следить за всем остальным: сбором налогов (самое главное!), сохранением мира и порядка на вверенных землях и соблюдением законов типа всё того же наследования. То есть, грубо говоря, признать баронета Арна наследником манора Бертран или нет должен был решить “мой” герцог. И станет он учитывать такую “мелочь”, как кровное родство, или нет, оставалось исключительно на его усмотрении. Собственно, средневековье во всей своей красе – и почему я на что-то другое рассчитывал? Вот тут мне стали наконец полностью понятны заходы Рахмана с предложением возмездной материальной помощи: не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: путь к сердцу любого феодала лежит через блестящие золотые кругляши с портретами разных типов в коронах. Впрочем, купец не был бы купцом, если бы не предусмотрел контакт со своим контрагентом в близлежащем к “моему” баронству городе на случай, если я вдруг передумаю.

Не самое плохое предложение для человека, который не собирается заниматься внезапно свалившимся на голову активом лично, кстати: передать управление

манором представителю кредитора в счёт возврата займа и процентов по нему, предварительно обговорив обязательства по делению прибылей. Не самое плохое, потому что просто всё бросить и забить ещё хуже – тогда вообще получишь дырку от бублика. Подобную озвученной мною прогрессивную схему проворачивали банкиры с разорившимися русскими помещиками в девятнадцатом веке, и считанным единицам дворян удалось получить свои земли назад. Впрочем, уверен, герцог найдёт способ выставить с подконтрольной территории внешнего управляющего, как только тот перейдёт некую черту – обирать крестьян он и сам способен. Чёрт. Мой план – получить разовую крупную компенсацию за переуступку наследства – стал ещё сильнее трещать по швам.

* * *

Почему я не хочу быть бароном? Собственное поместье, куча крестьян в подчинении, которые обязаны делать всё, что им скажешь... Что, серьёзно, вы считаете всё это преимуществом?! Нет, происходит дело на Земле или хотя бы свались на меня подобный актив в республике, я бы ещё подумал – всё-таки я же сам прикидывал в бытность свою менеджером возможность порулить бизнесом за директора. Чем агробизнес плох? Не лишён специфики, да, не зная которой, легко можно всё угробить – это факт. Но так вообще с любым производством – продажи потому и предпочтительнее, что проще, да и выгоднее по величине чистой прибыли, что скрывать. Тем не менее я бы принял вызов – в тех условиях, что привёл выше. Проблема в том, что владение баронством и предпринимательство – это очень разные вещи. Больше похоже на... М-да. На узаконенный рэкет, что уж там скрывать. Может, в глубине души у меня и оставались какие-то там иллюзии, но прошедшую ночь они не пережили. Жители Лепки мне очень хорошо всё расписали.

Если кто думает, что феодалы-землевладельцы занимаются развитием сельского хозяйства и ремёсел – забудьте. Это головная боль исключительно самой черни. И дело даже не в желании, и не в отсутствии специальных знаний, которых негде получить – хотя какую-то роль и эти факторы играют. Дело в том, что “приземлённым” дворянам тупо... некогда. Мало того, что все благородные, получившие манор из рук монарха, одновременно с тем подписывают воинскую повинность, причём не только на себя, но и на свиту-дружины. Мало того, что нужно заниматься судейством, разбирать крестьянские споры, – необходимо обеспечивать порядок на своей земле, потому что больше некому. Никакой полиции тут и близко нет. И системы медицинской помощи тоже (привет

эпидемии и моры). А вот налоговые органы есть, и деньги с тебя приходят выбивать регулярно. Причем не столько, сколько записано, а “слышь, гони, прям ща надо. Да не ссы, за нами не заржавеет!” При этом нужно успевать стелиться под пахана-герцога (балы-охоты, подарки – и только попробуй, прояви неуважение), давать по мордасам “коллегам” из соседних баронств, легко приделывающим ноги всему, что плохо лежит. Воинская повинность, если кто не понял, означает в таком разе не охрану собственной земли от агрессора, а необходимость всё бросать и регулярно вписываться за “большого босса” – короля, когда тому стукнет моча в голову прощупать соседа. Ну как, кто-нибудь ещё хочет быть бароном? Может, конечно, подобная жизнь кому-то по душе, но точно не мне.

Подобное положение дел не могло не отразиться на целевом слое – на благородных. За шёлком и бархатом плащей и блеском доспехов скрывалось вечное “ты чё?” и “мобила есть? А если найду?”. Куртуазность, манеры, культурный код – всё это по большому счёту было просто аналогом наколок-“партаков”, “блатной фени” и “понятий”. Другое дело, что гордые рыцари и исполненные собственной значимости герцоги не могли посмотреться в кривое зеркало своего будущего. А вот я – мог. Оттого меня ничуть не удивляло теперь, что в случае чего дворяне с лёгкостью отбрасывали собственные традиции и законы и тупо выясняли, кто сильнее. Недаром тот напыщенный петух в Нессарии резко сдал назад, едва увидел ушастую химеру. А правила... что ж, тоже полезная штука, чтобы, случайно столкнувшись с примерно равным, побыстрее разрулить ненужный конфликт без потерь.

В некотором смысле для простолюдинов было очень хорошо, что плащеносцы в принципе не воспринимают их как людей. Точнее, воспринимают, но... как бы со сдвигом по фазе. Крестьяне и ремесленники, деревенские и горожане живут для них словно в другой плоскости бытия, с которой их собственная плоскость мало пересекается. Быдлана, случайно загородившего дорогу, можно огреть плёткой или “приласкать” кулаком, можно благосклонно выслушать жалобы старосты или всласть помять служанку – но при этом те так и останутся в глазах дворянина... ну, функциями, что ли. Энписи, как сказал бы любитель компьютерных игр из моего мира. Если от простолюдина случилась какая убыль или расстройство, то если его не прибьют на месте – искать и мстить точно не станут. Мечь комару или даже кусачей собаке – это пацаны-то не поймут-с.

С магами, кстати говоря, чем-то похожая ситуация, разве что уже благородные стараются их не задевать, да и вообще поменьше общаться. Потому что хрен знает, что это у подчинившего себе Стихию ненормального в голове. А крестьяне и вовсе предпочитают обходить обученных одарённых по широкой дуге, а меж собой рассказывают про волшебников такие небылицы и “подробности”, что хоть записывай и отправляй на Землю, причем сразу в Голливуд. Полёты на мётлах, совокупление со змеями и призыв духов мёртвых – это прямо-таки самые рядовые байки. Скорее всего, причина столь ярких упражнений в народной фантазии то, что о владеющих Силой у простолюдинов практически нет никакой достоверной информации. С другой стороны, если маг находит в деревне или городе перспективного одарённого ребенка, то ему его на воспитание, вот парадокс, охотно отдают.

Конечно, изоляция трёх основных сословий друг от друга далеко не полная. А кое-где и вообще стирается под действием внешних факторов, как на границе Шрама. И есть ещё исключения вроде упомянутых королевских чиновников и, конечно же, купцов – которые в массе своей тоже простолюдины, но с крупными бизнесменами не брезгают трапезу разделить и короли. Есть всяческие шуты-акробаты-менестрели. Причём особенно выделяются последние, потому что бродящий от села к селу певец и музыкант может таскать за спиной потёртую тряпочку с гербом, но всё равно у него свой, выделенный социальный статус вне обычных рамок. Ну и конечно, есть Белая Церковь. Даже не государство в государстве, а целая международная корпорация со своей, подменяющей привычное сословное деление, социальной стратификацией. И в отличие от Лида, выбравшая сетевой принцип построения своей организации, а также сделавшая упор не на эксклюзивные товары, а на уникальные услуги.

* * *

В общем, если подытожить, из “хождения в народ” я вынес две основные мысли. Первая – что со смутными уже надеждами использовать свой неплохой земной опыт и всё-таки поработать менеджером в области оптовых продаж нужно окончательно распрощаться. Потому что вместо организации логистики и обеспечения максимальной маржинальности экономическими методами эта должность тут предполагает деятельность обычной бандитской “шестёрки”. Приехал туда, порешал, приехал сюда – порешал... или тебя порешили, как повезёт. Прибыль и даже сама возможность ведения бизнеса в королевствах вообще никак не опирается на законы и правила и строится исключительно на личных контактах и возможности в нужный момент эти контакты “подпереть”

достаточным количеством лояльных клинков, своих либо “крыши”. И вот на фига мне такое “счастье”?

Вторая мысль была закономерным продолжением первой: обучению на мага для меня альтернативы нет. Их надгосударственное сообщество, судя по тому, что я смог узнать на текущий момент, наиболее близко подошло к привычной для меня по родному миру социальной среде. Обученные одарённые вне разборок благородных – в отличие от простолюдина чародею хрен чего прикажешь против его воли. Для тупых, решивших поиграть мускулами и что-то там заполучить принуждением, пример всегда перед глазами: Великая Свободная Республика Лид. Опять же, сила подвластной Стихии – это не только инструмент, способный приносить высокие доходы, но и оружие, которое всегда при тебе. Короче, кругом одни плюсы. Если не считать стоимости обучения, конечно...

Вспышка, до того ровно и уверенно рысящая по окончательно раскисшему после вчерашнего снегопада королевскому тракту, внезапно притормозила, прянув ушами. На рейдах особенно быстро учишься понимать своего партнёра, пусть даже тот не обладает разумом и не может говорить. И реагировать. Слух и обоняние у большинства ездовых химер на зависть не только обычному коню, но и собаке, особенно слух. Потому я сначала напрягся и попытался сдёрнуть эльфийское копьё с крепления у седла, и только потом, когда ладонь вместо древка сомкнулась на пустоте, уже осознанно попытался понять, что послужило причиной тревоги.

Здесь, вдали от Шрама, всё ещё можно нарваться на изменённого – относительно простые и слабые твари вроде болотных секачей могли заходить от породившей их магической аномалии на десятки дневных переходов. Вот только пересечь достаточно приличное расстояние незаметно по густонаселённой территории, не вызвав волну паники и пересудов среди местного населения? Очень сомневаюсь. Тем не менее, от полезной привычки, ставшей уже рефлексом, я отказываться не собирался.

– К бою. – Я заставил Вспышку пятиться назад. Рыцарь, наоборот, повела свою химеру вперёд, перекрывая направление на угрозу – у нас всё было давно отработано и не требовало слов. Дочка кузнеца уже успела натянуть шлем, сдёрнуть чехол и зацепить упорное кольцо боевого копья за крюк на седле. При этом её маневр позволил мне безопасно снять с бока Милки оружие и арбалет.

Моя белая химера идеальна для разведки и стремительной атаки, потому первый удар за мной. Ускорение у Вспышки как у мотоцикла – даже на короткой дистанции, если местность позволяет, она может набрать под семьдесят километров в час буквально в несколько безумных скачков, и так же резко тормозит. Недаром седло снабжено привязными ремнями – иначе седока просто выкинет на фиг во время манёвра! При атаке главное – вовремя выпустить копье, иначе вывих станет для меня самым удачным и самым безобидным из последствий.

Чёрная химера Маши обошлась мне в своё время куда дешевле и на финты не способна. Зато может утащить на себе несколько центнеров груза. Собственная броня, броня всадницы и механическое крепление оружия у центра массы всадника и транспорта делают относительно медленный таранный удар Милки не менее опасным для противника. Скорее даже более, потому что цель у Маши – не только нанести урон, но и сбить с ног, заблокировать, обездвигать, если надо – буквально приколоть врага к земле, как жука булавкой. И вступить в ближний бой, используя полуторный кабий меч – тяжёлая по охотничьим меркам броня защитит от повреждений. А я буду продолжать атаковать вынужденного сосредоточиться на близкой угрозе врага с налёта в уязвимые зоны, в спину и бока.

Моя гордость – эта своего рода идеальная тактика. Вроде как элементарная, но я несколько месяцев мучился, пока смог её “родить”. Зато против одиночных чудовищ действует безотказно... кроме тех случаев, когда на огонёк заглядывает мутант с глубоких внутренних территорий Шрама. Они обычно не переходят вал, но во всём, что касается тварей, никаких гарантий нет. Против нарийских тигров и гидр не поможет ни честная сталь, ни самые выверенные манёвры – успел убедиться лично. Но тут-то такого противника быть заведомо не может!

– ...Отбой тревоги, – продублировал я голосом жестовую команду, спокойно дождавшись Машу у поворота дороги. Немногочисленные варианты сигналов через Печать мы с Машей и Роной ещё во время самых первых рейдов распределили между тревожными сообщениями. Чего хорошее можно и менее экстренным способом передать, вот как сейчас.

– Точно? – Дочка кузнеца недоверчиво прищурилась, рассматривая через зауженные смотровые щели забрала первую встреченную мною в этом мире дорожную пробку. Ну и первое ДТП заодно. – Может, засада?

– Не думаю. Шлемними и сама послушай, – порекомендовал я, прекрасно зная, как стальной горшок на голове искажает звуки. А звуки были те ещё: ор стоял такой, что перекрывал удары по дереву и металлу. Вспышка то и дело прыгала ушами, переступала копытами и тревожно на меня косилась: кобыле было невдомёк, что люди с такими криками и сопутствующими звуками не только могут идти в последний и решительный бой, но и... гм, решают проблемы. Пытаются решить.

Поворот дороги находился на месте спуска к очередной реке. Причём как бы не к той самой, чьи никак не помеченные на карте верховья мы форсировали у Кривых Рожков: больно вода была по цвету похожа – чёрная-чёрная, словно в неё чернил бухнули. Да и берега были один в один: наш высокий спускался не к воде, а к широкой полосе топкой жижи, из которой обильно торчал коричневый, медленно гниющий прошлогодний камыш. Дальше шла “чистая” вода с хорошо различимым течением – и опять многие метры топкой мерзкой грязи. Через всю эту красоту был перекинут мост – каменные “быки”, низкие арки и ширина проезжей части такая, что две телеги разъедутся. Проблема в том, что мост именно что “был”. Когда-то.

Уж не знаю, в чьём ведомстве состояла королевская дорога Балота (хотя казалось бы, название обязывает), но капитального ремонта сооружение не видело лет сто. Или двести: мох полностью покрыл опоры, и только по отдельным проплешинам можно было угадать материал. Ясно дело, постройке столь пренебрежительное отношение на пользу не пошло: настил проезжей части, как испытывающий самые большие нагрузки участок, пребывал не просто в аварийном состоянии – он его оставил позади. А центральный пролет и вовсе рухнул в воду. Тем не менее, переправа действовала: настил “починили”, уложив поверх камня брёвна и кое-как присыпав землёй. Там же, где был провал, использовали брёвна подлиннее, сформировав новый временный настил в половину ширины старого моста – видно, найти нужное по размерам дерево в окрестных лесах было не так-то просто. Вот этот временный настил в один “прекрасный” момент и разошёлся (хорошо – не рассыпался совсем, рухнув вниз) под колёсами крестьянской телеги, намертво заблокировав ту в самом узком месте. Как назло, это произошло как раз перед проходом по мосту купеческого

обоза.

Торговый караван был так себе: четыре гружёные телеги и несколько верховых. Сдаётся мне, будь крестьянин один, и его отправили бы поплавать вместе со скарбом, да вот незадача: за спиной у мужика, грудью вставшего на защиту потенциально движимой собственности, сгрудились с десятков его товарищей с пудовыми кулаками, а кое-кто с кнутами и плотницкими топорами. Как это часто в подобных ситуациях бывает, вместо того чтобы помочь и всем миром высвободить транспортное средство, попавшие в пробку люди купца начали качать права и угрожать. Разумеется, на скорости спасательных работ это отразилось самым печальным образом.

Мне, конечно, до дорожно-транспортного происшествия по большому счету особого дела бы и не было... если бы не одно "но": путь на ту сторону реки был надёжно перекрыт. Один взгляд на заболоченное русло отбивал малейшую охоту искать брод. Будь тут альтернативная возможность переправиться – местные ни за что бы мост, да ещё и такой дорогой, каменный, ставить не стали. В карту я даже заглядывать не стал: и так помнил, что путь в обход был реально через соседнюю страну.

– Похоже, придётся вмешаться, – озвучил я свои выводы, взвешивая в руке копьё. Так, с оружием наизготовку, думаю, подъезжать всё же не стоит. А вот арбалет я перевешу к седлу под руку. Взведённый, заряженный и на предохранителе.

Скакать галопом – тем более по такому мосту – было откровенно глупо, потому к месту затора мы подъехали медленно... и незаметно. В том смысле, что стороны дорожного конфликта так увлеклись выяснением отношений, что на нас просто не обращали внимания, пока я и Маша не оказались рядом. Заодно из криков мне окончательно стала ясна конкретика. Оказалось, что крестьянский транспорт в момент разрушения настила не просто встрял колесами между бревен – от удара настал полный и окончательный конец осям. То есть телегу нужно было сначала разгрузить, потом на руках вытащить и унести с моста – и только потом чинить. Купец – пузатый тип в зелёном берете, канареечно-жёлтом сюртуке и красных штанах – изволил спешить, и потому настаивал на простом варианте освобождения пути следования: как я и предполагал, всё лишнее – в реку. Более того, пока владелец транспорта со товарищи относил первую партию поклажи, купеческие охранники успели основательно порубить

застрявшую повозку, сходу приступив к демонтажу. “Помощников” крестьяне отогнали... на этом, собственно, всё и застопорилось. На данный момент обе стороны угрожали друг другу бароном, в чьих землях располагался мост, но как-то не особо уверенно. И после разговоров с леповчанами я вполне понимал почему: мало того, что его благородие ещё дождаться надо было, так ещё и было не слишком понятно, кто в итоге останется внакладе. По моему мнению выходило, что обе стороны. Кажется, спорщики в глубине души что-то такое тоже подозревали, потому продолжали надсаживать глотки, а вот гонца к местной власти за правосудием отправлять не спешили.

Тяжело нагруженная Милка буквально вбивала в бревна копыта, чтобы не упасть, и этот звук наконец-то заставил кого-то из купеческого обоза обернуться. Дальше тишина, словно по волшебству, окутала весь мост: я даже услышал, как журчит, огибая быки, вода.

– В-ваша с-светлость! – первым опомнился пузан, довольно резво и низко для своей комплекции сгибаясь в поклоне. Остальные с большей или меньшей задержкой повторили жест. Купеческие люди – угодливо, землепашцы – хмуро и настороженно.

– Я баронет Бертран. – Деляга, разглядев, что цвет моей накидки не синий, подстраховался, поименовав меня как герцога. Ловкий приём: наверняка многим аристо польстило бы, да и не обижаются обычно люди, когда им оказывают уважения больше, чем требует титул. Пришлось перекинуть плащ на плечо, чтобы люди разглядели вышитый рисунок. – Вижу, порча государственной собственности случилась?

Все присутствующие с поразительной синхронностью скривились, словно дружно откусили от одного и того же лимона. Не будь вечерне-ночных посиделок, я бы ломал голову, как мне сейчас говорить с этими людьми, возможно, попытался строить из себя надменного мудака или, наоборот, спешил бы и лично попытался всё осмотреть на месте. Теперь же у меня не было особого сомнения, как себя вести.

– Штраф, пожалуй, за умышленное причинение вреда... хотя можно и под диверсию подвести. Стратегическая дорога, а её повреждение – измена его величеству, – это я сказал негромко, практически себе под нос, но меня

прекрасно расслышали. Причём побелели лицами не только крестьяне, но и средневековый бизнесмен, мгновенно сообразивший, что обвинение в диверсии могут клеить именно ему, так как его люди затягивали освобождение дороги и вообще устроили затор. Про местные “законы” и порядок их соблюдения я уже рассказывал. Крестьян ведь разве что повесить можно в назидание своим сервам, а вот из негоцианта можно мно-о-о-ого чего полезного в хозяйстве добыть. Золота, серебра, меди... – Что в повозке?

– Т-торф! – Владелец телеги, от которого, словно от чумного, отхлынули товарищи, даже забыл добавить “ваша светлость”. – В г-город везли, им печи топят...

– Торф? – Я с некоторым недоумением перевёл взгляд со сломанной повозки, забитой мешками (один взрезан, рассыпав вокруг бурое содержимое), на тройку охранников купца. Дворянами наёмники, разумеется, не были, но принадлежность к профессии в них выдавало не только оружие (два топора и палица), но и кожаные кирасы. У одного – видимо, командира – даже металлический шлем а-ля “горшок на голову” был. И вот ради торфа, добывать который на болотах, конечно, тоже не слишком легко, но всё же и не так уж трудно, обычные земледельцы полезли на таких противников с дрекольем? Понятно, почему купец отдал приказ на сброс груза в реку, едва удостоверился в содержимом.

– Белая мука там ещё, ваша благородие, – внезапно признался другой крестьянин, самый пожилой уже мужик с седой бородой. – Общая.

– Ага! Контрабанда! – аж подпрыгнул купец. – Вот они и явили себя, злоумышленники, ваша светлость!

Похоже, торгаш решил, что переборщить с лестью столь же трудно, как кашу испортить маслом.

– И ничего не контрабанда, – насупился хозяин повозки. – Мы на воротах всё честь по чести обсказали бы.

– Ещё и стражу городскую втянули в свой преступный сговор! – воодушевлённо потёр руки бизнесмен. – Как есть злодеи, все до одного! Ничего, магистрат-то городской разберётся...

Зря он это сказал: телега в узком месте образовывала практически готовую баррикаду, перебраться через которую ещё надо суметь, да и сам мост не то чтобы предоставлял отличные возможности для манёвра. А загнанная в угол крыса может и на льва броситься. Ну или просто обрушить уже порядком побитую жизнью переправу, отрезав опасных индивидов от честных тружеников сохи – как мне кажется, именно такая мысль и промелькнула у седого. Муку жалко, не зря, видать, крестьяне придерживали зерно до зимы и с помолом потом связались, но свою шею гораздо жальче.

– И почём мука нынче за стенами? – вроде как ни к кому конкретно не обращаясь, спросил я.

– Пять серебра с мешка... – Похоже, до пузана наконец дошло – с наездами на крестьян он сильно поспешил. Не иначе как посчитал, что баронет с оруженосцем впишется в разборку, и только сейчас сообразил, что принял желаемое за действительное.

– А мешков сколько? – Я нашел взглядом старшего в группе земледельцев.

– Тридцать... – неохотно признался тот... и едва успел поймать прилетевшую ему золотую монету. Расширившимися глазами посмотрел на блеснувший кругляш, на меня, опять на деньги. – В-ваше благородие?!

– Минус плата стражникам и дорожные риски. И погрузочно-разгрузочные работы, – пояснил я. На Земле денежными знаками такого номинала я не рискнул бы в прямом смысле разбрасываться, но бытие охотником заставило меня в том числе и научиться уверенно кидаться различными предметами. Был, конечно, риск, что мужик упустит своё счастье, но чем больше я за ним наблюдал, тем больше в этом сомневался. – Так. Свободны. А ты, купец... как там тебя зовут? Муки купить не хочешь?

Определённо, надо завязывать с привычкой сорить золотом. Та сумма, что для меня в последние пару месяцев была стандартным двухдневным (сутки на рейд

и сутки отдыха) заработком, в королевствах могла покрыть все расходы обычно весьма немаленькой семьи простолюдина минимум на полугод, а то и больше! Не впроголодь, а нормально, я имею в виду. Хлебом из муки, которую я столь легко закупил, можно было сотню ртов кормить в течение месяца – это если бы мне в голову взбрела блажь устроить диету из белого хлеба. Вон наёмники и кучера Рамона жрут свежие ржаные лепёхи так, что за ушами трещит, и не нарадуются: не каждый купец тащит с караваном для своих людей портативную печь для выпечки. Менее обеспеченные логистические команды давятся сухарями и не пищат.

Удивительно, но толстый и разнаряженный, словно свихнувшийся светофор, купец смог-таки уломать меня сопровождать его караван. Не таким уж самодовольным идиотом он оказался, хотя под него косил мастерски, чему немало помогал выбранный стиль одежды. Признаться, я бы мог и раньше догадаться – уж слишком непростым выглядел его маленький караван для начинающего бизнесмена. Тяговые химеры того же класса, что и Милка, в качестве упряжных животных на это очень толсто намекали. В какой-то степени из-за химер я и согласился ту часть дороги, что нам была по пути, пробить сопровождающим дельца: телеги действительно шли по местным меркам очень быстро. Учитывая, что караван не заходил в придорожные селения на ночёвки, останавливался затемно и затемно же снимался, причём по хорошо известному и “накатанному” многими ходками пути, – далеко не факт, что я самостоятельно двигался бы быстрее. А всё из-за груза. Рамон вез дефицитный и премиальный по зимнему сезону, весьма скоропортящийся товар – свежие фрукты. Угадайте откуда.

– Достопочтенный Рахман – очень, очень уважаемый человек в гильдии. Мне до него – как мотыльку до Луны. – Мой временный попутчик даже не пытался скрыть зависть в голосе. Кстати, сам он передвигался верхом на обычной, пусть и породистой лошади. Видать, внутренняя жаба не позволяла потратить часть прибыли на “пустые понты”. – Пока я веду этот маленький караван лично, его подручные ведут десять и куда больших.

– Надо же. И такой большой человек продолжает лично участвовать в работе с розничными клиентами? – деланно удивился я. Меня так и подмывало спросить, не родственник ли мой собеседник поставщику книг и прочих дворянских атрибутов в Эрсте, но я держал своё любопытство при себе. Хотя некая схожесть

черт лиц определённо наличествовала. Да и имена тоже похожи.

– А что делать? – с толикой грусти и противоречия сам себе, вздохнул купец. – Лично не проследишь – никто ничего нормально не исполнит. Там отдаст лишнее серебро, тут не упакует товар, а в городе вообще нарвётся на арест. И ладно бы своей дурной башки – так и груза целиком!

– Я думал, от последней проблемы члены гильдии... более защищены, – старательно демонстрируя, что беседа мне не слишком-то интересна, бросил я.

– Таки да, но ведь всегда найдется идиот, который и на ровном месте вляпаться сможет! – совсем расстроился делец.

В таком ключе мы общались уже долго: Рамон то жаловался, то сбивался на хвастовство, а я усиленно тренировался держать скучающее выражение на лице. Поговорить благородному дворянину с представителем торгового сословия – это не считалось ужасным моветоном, в отличие от разговора по душам с каким-нибудь там сервом или кузнецом. Хотя и тут были нюансы – например, пьяному в соплю рыцарю или даже барону преодолеть сословный порог со своей стороны вроде как уже и не зазорно было. А с почтенным купцом перекинуться парой слов не через губу уже совсем не возбранялось – особенно когда нет другой, более подходящей компании. Я, правда, ехал с Машей, более подходящей мне по статусу на роль собеседницы, но тут произошло наложение социальных ролей.

В полном доспехе, не считая притороченного к седлу шлема, совершенно не фигурально обвешанная оружием фигура моего оруженосца однозначно была воспринята в караване как старший командир. Стоило нам с Рамоном на мосту ударить по рукам, как извозчики сорвались разгружать разбитую крестьянскую телегу, а тройка наёмников немедленно оттянулась к моему рыцарю и дружно приложила правый кулак к левому плечу – изобразила местное воинское приветствие. Настороженный и сосредоточенный прищур в ответ – единственная реакция, которую Мариша себе позволила, – кажется, только укрепил мнение охранников в правильности своего выбора. А уж как носились мужики во время короткой дневки, когда рыцарь соизволила отдать несколько распоряжений...

– Королевство Зар уже много лет не участвует в конфликтах с соседями. – Купец меня в очередной раз смог удивить: когда начало темнеть, на передней повозке зажгли яркий алхимический фонарь, вынесенный вверх на двухметровом шесте. Света мощной лампы хватало, чтобы успешно продолжать движение с прежней скоростью. Пришлось следить за лицом и стараться поминутно не морщиться: благо приобретённые рефлексy охотника никуда не делись и против движения через темноту в круге света решительно возражали. То, что на тракте и около него просто нет тварей – и я это знал, – не помогало: подсознанию на все доводы разума было плевать. – И пока жив старый король, так и будет. А вот когда на престол взойдёт его старший отпрыск... возможны перемены. Ваше благородие.

– До перемен нам и самим ещё надо дожить. – Я сделал вид, что не заметил паузы в словах собеседника, который закончил свою фразу явно совсем не так, как собирался. Вовремя вспомнил толстый, что я как раз подданным королевства Зар и являюсь. – А что-нибудь про моего сюзерена слышал? Дома был, такое впечатление, вечность назад.

– К сожалению, с его светлостью не знаком, мой караван проходит Берг стороной. – Торгаш и правда сожалел: личное знакомство с такой фигурой, как герцог, для купца никогда лишним не бывает. – Люди говорят, сэр Эдмонт всё так же крепок, как и раньше. И всё так же строг и справедлив: годы, как это бывает с другими, не смягчили его. И старшего сына, своего наследника, воспитал так же.

– Отрадно слышать! – с воодушевлением, которого не испытывал, согласился я. По большому счёту, какие-либо выводы делать или корректировать планы было рано: эти самые “строгость и справедливость” могли как помочь мне с подтверждением перехода титула и земель, так и наоборот. Одно хорошо: пока я не становился из баронета полноценным бароном, приказать что-то герцог Эдмонт де Берг мне толком и не мог. – У строгого господина и в делах всегда порядок, и в людях.

– Воистину так. – Рамон то ли не знал других подробностей о герцогстве, то ли решил придержать их при себе, но разговор на этом сам собой затих. А жаль: я был бы не прочь узнать ещё что-нибудь полезное. Ну, хоть какие-то крохи информации появились.

* * *

На сломанном мосту я сходу предложил Рамону забрать у меня только что купленный за один золотой груз муки за два золотых. Да, вот так вот, внаглую. Торг с чего-то надо начинать, а я был твёрдо намерен не только вернуть свои затраты, но и стясти компенсацию за решение конфликта. Пузану явно стоило больших усилий задавить страдальческую гримасу, и я уже приготовился начать давить... но купец взял и согласился. При этом он выразился, как мне показалось тогда, несколько витиевато – мол, путь в такой компании, как я, доставит ему настолько несказанное облегчение, что презренное золото по сравнению с ним даже упоминания не стоит.

Предложение наняться в охрану обоза в счёт разницы между принятой ценой муки и выплаченной суммой было подано столь виртуозно, что даже самый оголтелый ревнитель чести и дворянских традиций не смог бы усмотреть в подобной фразе ущемления своего благородного достоинства. Глупый человек явно не способен был к столь тонкой даже по земным меркам манипуляции, а сумным и пообщаться побольше не грех – это была вторая причина, по которой я принял на себя обязательства по сопровождению. Первой, разумеется, были все те же деньги, а третьей – химеры, задающие вполне приемлемую для меня скорость движения.

Золотая монета за несколько дней сопровождения каравана двумя людьми – это, как нетрудно догадаться, куда как более чем до хрена. Ну хорошо, не золотая, но пятьдесят серебра точно – вряд ли я бы больше смог выудить из торговца, разве что приставил бы ему клинок к горлу. Но даже полтинник в серебре – сумма очень и очень большая. Конечно, полностью обмундированный по высшему классу защиты и так же хорошо вооружённый рыцарь на химере – это по местным меркам всё равно что танк в свою колонну поставить. Да и я мог доставить массу неприятностей потенциальным противникам, пусть неспециалисту это было не очевидно. Но... использовать такие силы, чтобы трое суток всего лишь отпугивать одним своим видом любых потенциальных любителей лёгкой наживы?

Вот если бы речь шла об инкассационном обозе сборщиков налогов, или Рамон, скажем, вёз с десятков мерных мешочков золотого песка – тогда да, к угрозе нападения нужно было относиться предельно серьёзно. Но фрукты? На них, как я уяснил себе со слов купца, можно поднять неплохие деньги, благородные ведь хотят жить не только хорошо, но и красиво. Одно то, что в качестве тяговой

силы мой новоявленный приятель может позволить себе химер, наглядно это демонстрирует. Однако... Ценность подобного груза можно конвертировать в живые деньги только в том случае, когда он будет доставлен покупателям.

Бандиты (и те, кто за ними стоят) – они ведь тоже обычно не идиоты. Это только в земных псевдоисторических книжках и местных рыцарских романчиках разбойники нападают на первых попавшихся путников, в реальности же эффективный дорожный грабёж – полноценный теневой бизнес, и без разведки и согласования целей не обходится никогда. Ради возможности попробовать господскую еду riskовать собственной шеей или выделять серьёзные силы для атаки? Очень надо. А продать захваченное – это ещё та морока: мало того, что еду премиум-класса у кого угодно просто не купят, так ещё и товар у Рамона нежный, требующий особого обращения и скоропортящийся. Ну а для вразумления совсем уж опустившихся маргиналов, тупо пытающихся напасть на первых встречных, и решения иных дорожных ситуаций определённно хватает и штатной тройки наёмников. Собственно, про бандитов сам торговец мне всё вышесказанное почти что прямым текстом и выложил. Кстати, не удивлюсь, если причина завидной информированности купца о специфике нелёгкого труда работников ножа и топора в том, что его гильдия со своими как бы прямыми врагами весьма плотно сотрудничает. Надо же, например, как-то с конкурентами бороться...

Потому, чем дальше я слушал попутчика-негоцианта, нашедшего во мне столь дефицитные с его профессией “свободные уши”, тем меньше понимал причину найма. Рамон на второй день пути окончательно убедился, что ему попался чуть ли не единственный в мире благородный, способный сходу вникнуть в эмоциональное описание проблем и найденных решений в нелёгком труде купца и не свернуть себе челюсть от непрерывного зевания. Теперь делец просто соловьём разливался, вещая практически в режиме монолога, то и дело перескакивая с темы на тему. И, надо отдать должное, гильдеец имел полное право собой и своим делом гордиться.

Фруктовый бизнес толстяка работал как хорошо смазанный механизм – довольно непростой механизм, надо отметить, – и “лишним деталям” в нём места не было. Нажиться на свежих деликатесах можно было очень неплохо, но для этого требовались серьёзные затраты и усилия – одна ночная алхимлампа в эксплуатации сколько стоила. Я, конечно, не сомневался, что на “контрабандной” муке делец с лёгкостью отобьёт все затраты, да ещё и в

прибыли останется, но ведь маржу можно было и увеличить, просто немного поторговавшись. Ну не ради же возможности поболтать любитель разноцветного шмотья пошёл на большие и, самое главное, заранее не предусмотренные расходы? Что ж, ближе к вечеру я получил исчерпывающий ответ. Собственно, купец мне с самого начала всё сказал. Прямым текстом.

* * *

– Оживлённо стало... – прокомментировал я, привстав на стременах и оглядываясь. Караван продолжал идти с прежней скоростью, но теперь это требовало от возниц определённых усилий. Уж слишком плотным стал дорожный трафик. Теперь вместо редких встреч с крестьянскими подводами мы обгоняли их постоянно, и так же часто попадались встречные телеги. Более того, за кормой повозок уже осталось два чужих торговых обоза (Рамон неизменно задирает нос, обходя коллег по ремеслу).

– Ещё немного, и мы увидим стены Вильи, – почему-то поморщился купец.

– Большой город на самой границе между Балотом и Заром? – припомнил я атлас. Это сюда, получается, крестьяне свой торф везли.

– Королевский город, – выделил голосом Рамон. Судя по интонации, озвученный факт ему как минимум не нравился.

– Много людей – много налогов. Логично класть их сразу себе в карман, а не пропускать через руки герцога. – Или я чего-то не понимал, или факт наличия прямого подчинения монарху должен был благоприятно сказаться на бизнесе и ремеслах в Вилье. И, судя по количеству народа на тракте, вполне сказывался.

– Зато герцог бы поддерживал королевский порядок, а вот королевский бургомистр заботится исключительно об интересах купившего его с потрохами городского магистрата, – почти прошипел негоциант. – Но да, налоги Вилья платит вовремя, а остальное его величество не особо интересует.

– Это разве плохо? – Магистрат, если я ничего не путаю, является не чем иным, как выборным органом самоуправления города. То есть советом самых богатых купцов, выбравших Вилью в качестве своей базы. Так что вот уж чего-чего, а

учесть интересы для особого благоприятствования торговле (то есть, читай, свои интересы) эти средневековые олигархи должны были в первую голову.

- Кому как, - опять скривился купец. - Местные, конечно, довольны...

Рамон замолчал, уйдя в свои мысли, а я тему развивать не стал. Тем более именно в этот момент стены леса отпрянули от дороги, освобождая место для полей и лугов, а впереди показались городские стены.

Странное чувство. Чем ближе мы подъезжали к городу, чем больше подробностей мне удавалось разглядеть с седла, тем больше Вилья казалась мне... м-да, карикатурой на типичный республиканский полис. Умом я понимал, что именно с вот таких вот городов повелители Жизни и срисовали поселения Лида, попутно доработав так, как им показалось правильным, но отделаться от ощущения, что вижу "китайскую копию" практически ставшего родным за полгода Эрста не мог.

Луга, сейчас скорее бурые, чем зелёные, всё равно не пустовали - даже на такие пастбища пастухи выгнали коз и кое-где коров. Обычных таких коров, с чёрно-белой шкурой и даже с расстояния заметно более мелких, чем их чешуйчатые тезки. Перед стеной был вырыт широкий ров - вот только вода в нём была мутной и откровенно грязной, а уж запах от неё шибал... На месте потенциальных захватчиков я бы десять раз подумал, прежде чем туда бы полез. Если за стенами и была хоть какая-то канализация, то выводилась она напрямик сюда. Оставалось надеяться, что у местных жителей есть какие-то иные источники питьевой воды. И мне их обязательно продемонстрируют, потому что иначе я внутри стен к еде и питью просто не притронусь!

Кстати, о стенах. Не знаю, как местным, а мне преграда в два, местами в три человеческих роста непреодолимой не казалась. Неровная каменная кладка местами была подновлена - причём где тоже камнем, а где и кирпичом. Пожалуй, будь у меня такая задача - я бы рискнул перелезть через гребень: рукой уцепиться и ногу поставить на стене было много где. Причём главный риск сорваться - не возможный перелом, а что не удержишься на узкой полоске земли под стеной и скатишься в ров!

– Не будем въезжать внутрь? – Королевский тракт поворачивал у самого рва, и там же начинался мост к городским воротам. Поворот мы миновали, не снижая скорости.

– Пошлина, – в это одно слово купец умудрился вложить целую гамму чувств. Такую, какой не всякий враг удостоится.

– Неужели в таком месте нет покупателей на фрукты? – удивился я. Снегопадов больше не было, а та облачность, что низко висела над головой весь прошлый день и половину этого, нехотя начала рассеиваться, отчего было отчётливо видно, насколько низко солнце опустилось к горизонту.

– Есть. Только сбор за право торговать самостоятельно такой, что как ни задирай цену – прибыль не получить при всём желании. А магистратские перекупщики не дадут и половины розничной цены, – коротко расписал мне торговец тонкости внутренних правил этого островка дикого капитализма в море феодализма. – Кроме того, у них и собственные поставщики есть, из своих. Здесь же до границы с Лидом недалеко, для себя успевают и на обычных лошадях довести.

– И что, гильдия ничего не предпринимает? – Я обернулся, оглядываясь на городские ворота, перед которыми скопилась изрядная очередь из телег.

– Торгового представителя выставили за стены десять лет назад, – после паузы нехотя признался Рамон. Про организацию, в которой он состоял, купец успел напеть мне изрядное количество дифирамбов. В том числе с десятков раз намекнуть, какие рычаги власти и влияния есть в этом мире у решившихся на союз негоциантов.

– И местным это спустили с рук? – не поверил я. В этом мире было не так много крупных бизнесменов, чтобы от их объединённой воли можно было отмахнуться даже монарху.

– Королевский город, – опять повторил толстый. – Что тут сделаешь?

Видимо, монарх монарху рознь.

Тут королевский тракт наконец отлип от городской стены, и я увидел впереди очередную, совсем уже широкую полосу водной глади и отмеченный высокими вешками с трепыхающимися на них кусочками ткани брод через неё. Границу Балота и Зара. Увидел – и сразу всё понял. И почему для вольного по сути города столько преференций от здешнего короля, и почему магистратские плевать хотели на остальных торгашей, и даже зачем я на самом деле изначально понадобился Рамону.

* * *

По карте было не понять, что Вилья запирает собой единственную безопасную переправу, зато на местности всё сразу становилось на свои места: выход каменистой породы создавал своего рода подводный мост в обычных для этого края прибрежных болотах. Только здесь можно было провести армию, чтобы со стороны Зара напасть на Балот, и первое, что эта армия должна была сделать – захватить город. Вольный по сути город, содержащий на собственные средства собственные войска, но при этом платящий налоги! Могу понять короля: мужик-то небось нарадоваться не может, что всё так повернулось. Конечно, однажды разожравшиеся олигархи из городского совета могут от большого ума и свою крышу послать куда подальше, но это когда ещё будет. А пока симбиоз процветает: одни снимают сливки с контроля над свободной экономической зоной, другой может быть совершенно спокоен за свои тылы, причём ещё и деньги за это спокойствие получает. Впрочем, если кто решил, что одними налогами монарх удовлетворился, – спешу развеять заблуждения: перед бродом располагалась опять же королевская, судя по штандарту, таможня.

Я сказал, перед городскими воротами скопилась очередь? Забудьте. Вот перед бродом действительно скопилась очередь. Длиннющая, больше километра вереница, без движения стоящая вдоль правой обочины дороги. Левая сторона тракта была пуста, на моих глазах по ней сначала проскакала четвёрка всадников в дворянских плащах, потом и вовсе проехала самая настоящая карета.

– Благородных пропускают вне общего порядка, – прокомментировал нагнавший меня Рамон.

– Вот как. – Я проводил глазами ещё тройку всадников в синих плащах, проехавших в обратную сторону на усталых лошадях. К чему будет клонить мой собеседник, я уже в общих чертах понял, но совсем уж выходить из образа не стоило. В конце концов, это ему нужно меня уговаривать, а не наоборот. – Но мне с оруженосцем в любом случае придётся пройти вместе с вами. Слово дано, и не мне его нарушать.

– Сегодня мы вряд ли попадём на ту сторону, – купец прищурился на заходящее солнце. – Переправа закрывается с темнотой, придётся заночевать здесь, под стенами...

А вот этот аргумент заставил меня непроизвольно передёрнуть плечами. Даром что ров сообщался с рекой – от него даже здесь продолжало тянуть едкой вонью. А уж как “комфортно” будет спать... и всё остальное делать, включая потребление пищи в окружении вставших на ночёвку крестьян и их скотины, даже представлять не хотелось! Ну и вишенка на торте: источников чистой воды рядом по-прежнему не было.

– И что, ничего нельзя сделать? – Я решил не тянуть резину и подыграть торгашу.

– Если вашему благородию не претит назвать перед таможенниками меня и моих людей своими сопровождающими...

– Не претит. – Перспектива давиться сухомяткой и запивать её столовым вином из запасов дельца, думаю, пересилила бы принципы и местного блюстителя чести и дворянской морали. – Маша, сюда. Поедешь рядом со мной.

Простолюдины, среди которых затесался ещё один торговый караван, дружно провожали повозки Рамона завистливыми взглядами, но, стоило им встретиться глазами со мной, тут же спешили поклониться или хотя бы обозначить поклон. Встречная подвода, которую, кстати, после форсирования брода никто и не думал останавливать и проверять, резво скатилась на левую обочину, уступая путь. Но сходу миновать досмотровый пост всё равно не получилось – мешала давешняя карета и суета вокруг неё.

– Пропустите немедленно! Слышите! Немедленно! – визгливый и надтреснутый женский голос легко перекрывал шум множества людей, вынужденно собравшихся в одном месте. – Как вы вообще посмели задержать нас?!

– Мы не можем пропустить вас, леди, не осмотрев вашу карету, – судя по усталому спокойствию в тоне говорящего, повторял он эту фразу уже далеко не в первый раз.

– Я дворянка! И требую – слышите, капитан, требую! Чтобы вы убрали своих грязных мужланов от моего экипажа!

– Солдаты короля никак не могут быть “моими”, – а вот теперь голос офицера прозвучал куда твёрже. – Говоря так, вы оскорбляете его величество.

– Ну так прикажите с... солдатам короля отойти! – совсем уж конченной душой дворянка не была, и где надо, сдала назад. Но словесно наскакивать на погранца не прекратила. – Вы же их капитан! Или нет?

– Не будь вы прекрасной дамой, я за сомнения в законной чести носить эти знаки отличия вызвал бы вас на дуэль, – совсем уже холодно произнес средних лет мужчина в идеально выглаженном, но определённо каждый день надеваемом мундире. За его спиной лениво колыхала полами геральдическая накидка. Мы подъехали совсем уж вплотную, и теперь рассмотреть участников действия не составляло труда.

– Да что вы вообще от меня хотите?! – Источником поднявшегося ещё на тон визга оказалась пожилая женщина в небогатом дорожном платье, определённо знававшая лучшие дни. Из экипажа она выбралась, но стояла так, словно прикрывала карету от солдат собой. На удивление солдаты короля, коих я насчитал шесть штук, были очень неплохо обмундированы – ну, по крайней мере, для войск страны, где за дорогами не следят вообще. А тут стальные шлемы на головах, в руках короткие пики с четырехгранными острями, а поверх кольчуг – серо-жёлтые котты[7 - Котта – накидка, прикрывающая доспехи (как правило, пехотинца). Обычно просто широкая лента ткани с дырой для головы, на которую спереди и сзади нанесены опознавательные знаки, иногда – подобие длиннополой рубахи без рукавов. На теле солдата котта дополнительно фиксируется поясом, надеваемым поверх. Кроме, собственно, идентификации свой-чужой на поле боя котта несёт защитные функции – не даёт доспехам

сильно нагреваться на прямых солнечных лучах и защищает металл от атмосферных осадков и загрязнения.] с гербом Балота. – Провести досмотр экипажа, – вновь вернулся к усталому тону командир КПП. По его знаку солдаты дружно сделали шаг вперёд, вызвав у дамы то ли истерический всхлип, то ли взвизг.

– Вы что, не верите моему слову?! Вы... вы...

– Мы просто обеспечиваем безопасность брода. – Солдаты опять сделали шаг вперёд, заставив дворянку попятиться и рефлекторно раскинуть руки в стороны, будто защищая карету. – Королевский указ: колёсный транспорт пропускается только после того, как будет признан достаточно надёжным для этого.

– Да как вы смеете?! – пошла на очередной круг дама. Чёрт, это, похоже, надолго.

– Капитан, – привлёк я к себе внимание командира, одновременно уже ставшим привычным движением перекидывая плащ на плечо и демонстрируя герб. – Проявите милосердие: пусть благородная госпожа сначала лично проверит свою повозку на предмет того, чего там точно нет, а вы пока пропустите меня и моих людей.

– Что-о-о? – Визгливая обернулась в мою сторону и сразу же осеклась. То ли демонстрация геральдического знака помогла – все остальные дворяне щеголяли чистыми спинами. А может, во всем виновата одежда с искусной вышивкой (видел я, сколько стоят эльфийские творения в республике) – одно дело просто родовитость, а другое – подкреплённая звонкой монетой. В любом случае базарить со мной тётка не решилась, резво скрывшись внутри своего экипажа. Офицеру же явно гораздо больше “понравилась” Маша, застывшая слева от меня с копьём в руках. Пока наконечник смотрел вверх, но тренированному конному латнику развернуть своё основное оружие в рабочее положение – секундное дело. Тем не менее, дело своё мужик знал туго.

– Прошу транспортные средства на досмотр... – сухо потребовал пограничник, убедившись, что женщина в карете, как видно, решила изобразить полное отсутствие всякого присутствия.

– Не стоит потраченного времени, – перебил я. – Это купеческие телеги вместе с извозчиками – как меня заверили, они регулярно без проблем проходят этот брод. Или вы хотите покопаться в моих личных вещах и составить опись?

О том, как некоторые благородные без проблем провозят через пункты контроля абсолютно всё, что заблагорассудится, Рамон за неполные двое суток успел мне поплакаться раза четыре. Не прямо обвиняя дворян в практически легальной контрабанде, конечно, а что типа вот такая социальная несправедливость: одним верят на слово, а других всегда шмонают и пытаются обобрать, невзирая на реноме. Как видите, задвигалось мне всё это не без задней мысли, разумеется. Совсем не удивлюсь, если толстый пройдоха специально проконтролировал темп нашего движения таким образом, чтобы выйти к пограничной переправе между Балотом и Заром ровно в нужный момент. То есть тогда, когда переход на другой берег будет возможен сегодня, только если я поручусь за содержимое каравана своим словом, и это позволит миновать процедуру досмотра.

Тут нужно сделать короткий экскурс в, с позволения сказать, “таможенный кодекс” королевств, который у разных стран отличается малозначимыми деталями. В кавычках – это потому, что я не уверен в том, что весь массив частично взаимоисключающих правил и традиций хоть где-то записан. Если по-простому, то благородным можно тащить с собой всё и бесплатно, а остальным – что разрешат и за деньги. Причём речь идёт не только о собственно границах монархий – любой феодал может на своих землях перекрыть любую дорогу, кроме королевской, и обирать проезжающих. За подобную инициативу какому-нибудь там барону может и прилететь по шапке от сюзерена, если он паче чаяния влезет в чужие финансовые интересы, – но не сразу и, как правило, не слишком больно. Ну а плата для черни за проезд через городские ворота – вообще освящённая веками незыблемая традиция! Другой вопрос, что с крестьян и ремесленников и взять-то особо нечего, а купцы строят свои маршруты так, чтобы финансовые потери минимизировать... Но речь сейчас не о них. Как я и сказал, дворяне, даже подданные других стран, освобождены от податей. Однако, как всегда, есть нюансы.

“Благородному господину или госпоже заниматься торговлей неместно”. Это не закон, это правило хорошего тона. Но благородные, особенно из тех, у кого всё имущество помещается за плечами и на поясе, тоже хотят кушать. Желательно хорошо. Вот и одолевают их низменные желания – извлечь при помощи

преимуществ своего статуса звонкую монету. Извлечь не из воздуха, а прямо-таки из кармана короля – ведь именно туда уходят дорожные и пограничные сборы, а также городские налоги. Ну и какой монарх такое потерпит? Вот-вот. Потому королевские таможенники имеют утверждённое их господином право остановить и освидетельствовать любое транспортное средство, неважно, с гербом оно или без. И, проведя разбирательство, обложить или не обложить пошлиной, а то и вообще конфисковать – если повод будет. В теории. Потому что дальше начинаются типичные дворянские заморочки и разборки.

По умолчанию сиволапому рядовому стражу границы или сержанту никак не позволено тянуть грязные руки к имуществу господ. С другой стороны, даже простого рыцаря с собственным гербом поставить на сбор податей – это как-то не комильфо. Оскорбление чести и достоинства подданного получается. Вот и трудятся на ниве защиты кошелька монарха такие лейтенанты и капитаны с пустыми плащами. Ясное дело, любой обладатель собственного манора, который смотрит на “просто благородных” сверху вниз, за попытку обыскать его груз и людей немедленно схватится за меч. Слово благородного – не пустой звук: сказал, что вот эти три телеги его личные вещи, а вовсе не попытка провезти контрабанду – значит, так и есть. И вообще, кто ты такой, солдатня, чтобы сомневаться в моём слове? Правда, если у барона за плечами выцветшая тряпочка, а из боевой мощи – кривая шпажка у пояса, то закономерные вопросы возникают уже у командира наряда стражи: а может, это и не барон совсем, а очень даже самозванец? Ну, вы поняли. Могу ещё сказать, что игра в “у кого благородства больше” не идёт в одни ворота: если через кордон где-то что-то нагло тащат чужие гербоносцы, то и своего барона туда можно временно отправить во главе сильного отряда, а то и целого герцога. Нет, конечно же, не на низменный сбор податей. Ловить шпионов и посылов, например. Была бы необходимость – а повод найдётся.

– Три повозки личных вещей... – Я поставил командира королевских пограничников в не самое приятное положение. Химеры, латы Маши и моя одежда – все это очень хорошо показывало, кто тут практически герцогу ровня, а кто – от крестьян недалеко ушел. Опять же герб на плаще. С другой стороны, серьёзно вооруженной выглядела только мой рыцарь, а копейщиков при страже было шестеро. И три телеги явно купеческого каравана – тем более я сам это признал.

По иронии причина, по которой капитан не мог просто взять и пропустить меня сразу, была та же, что заставила пожилую склочницу из кареты голосить благим матом. А именно: я нагло и цинично вознамерился попрасть пресловутую дворянскую честь оппонента. Тётку-дворянку, решившую наудачу протащить что-то там по мелочи и поправить финансы, ждала публичная демонстрация факта нарушения слова, а я прямо сейчас пытался сделать дурака из пограничника, да ещё и на глазах у простолюдинов! Вот только пожилая женщина ничем, кроме крика, защитить себя не могла, а у меня за спиной была одна полноценная тяжёлая боевая единица. Вызов на поединок при таком раскладе мало того, что со стороны выглядел не особо оправданным (может, у меня действительно много скарба с собой?), так ещё и оружие, и условия поединка выбирает вызванная сторона. Гарантированно оказаться насаженным на копье, как жук на булавку – так себе защита собственного достоинства выйдет. Впрочем, мне тоже нарываться ещё сильнее было совершенно не с руки.

– Я баронет Бертран, подданный его величества короля Зара. – Усталость в голосе изображать не пришлось. И надменную гордость тоже – давным-давно не просыпавшееся подсознание вдруг шевельнулось, заставив напрячь спину, демонстративно расправить плечи, посмотреть на пешего “простого” дворянина сверху вниз. – Возвращаюсь после многих месяцев отсутствия. Какие-нибудь ещё вопросы, капитан?

– ...Проезжайте, – спустя пять невероятно длинных и томительных секунд с ощутимым трудом выдавил из себя офицер.

* * *

Караван Рамона скрылся за поворотом королевского тракта Зара так быстро, словно за ним как минимум болотный секач пытался угнаться. Может, мне, конечно, и показалось, но последнюю телегу на вираже отчетливо накренило и занесло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

Жизненную силу можно конвертировать в магию Жизни, а её, в свою очередь, в магию любой другой Стихии. Подробнее об этом см. в книге “Гражданин”.

2

Лошади для длительного активного движения нужен калорийный корм. В сене калорий не так уж много, потому, если предполагается на следующий день ехать дальше – то будь любезен калории транспорту предоставить. Прикормка и сено/силос для скотины примерно как для человека мясо с гарниром – то есть хорошо сбалансированный обед. Можно питаться одним мясом или налопаться пустой кашей до сытости, но по возможности лучше питаться правильно. В современных условиях у нас, на Земле, обычно не заморачиваются ручным смешиванием компонентов рациона и используют готовые комбикорма.

3

Ваше благородие – обращение к барону. Обычно представители неблагородных сословий так обращаются еще и ко всем носителям плащей без герба: с них не убудет, а рыцарю или “просто” благородному приятно.

4

Мельхиор – серебристый твёрдый сплав меди и никеля. Столовые приборы из него выглядят немногим хуже, чем из столового серебра, и не подвержены коррозии, в отличие от стальных.

5

Калита – кошелек для монет в виде мешочка, подвешиваемого на пояс.

6

Всем миром” – устаревшее выражение, подразумевающее участие всех членов крестьянской общины в каком-то деле. Да, раньше “миры” были существенно меньше, ведь теперь под словом “мир”, если оно используется в значении места, а не понятия, понимают ни много, ни мало – планету.

7

Котта – накидка, прикрывающая доспехи (как правило, пехотинца). Обычно просто широкая лента ткани с дырой для головы, на которую спереди и сзади нанесены опознавательные знаки, иногда – подобие длиннополой рубахи без рукавов. На теле солдата котта дополнительно фиксируется поясом, надеваемым поверх. Кроме, собственно, идентификации свой-чужой на поле боя котта несёт защитные функции – не даёт доспехам сильно нагреваться на прямых солнечных лучах и защищает металл от атмосферных осадков и загрязнения.

Купити: <https://tellnovel.com/sergey-plotnikov/baronet>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)